

Роман Бобков

**Хроники острова магов. Семена
жизни. Книга 1. Замок на болоте**

«Геликон Плюс»

2013

УДК 83-3.161.1
ББК 4(2Рос=Рус)6

Бобков Р. О.

Хроники острова магов. Семена жизни. Книга 1. Замок на болоте /
Р. О. Бобков — «Геликон Плюс», 2013

ISBN 978-5-93682-833-1

В иной мир уходят воины разных эпох и разных народов. Но уйти в иной мир, это не значит умереть. Каждый кто попадает в этот мир, продолжает жить, сражаться, любить, ненавидеть и делать все то, к чему он привык. Хотя со многим необычным и непривычным, тоже придется столкнуться. Африканец с копьем, спецназовец с автоматом, мушкетер со шпагой, индеец с томагавком, неандерталец с дубиной, русич с мечом или викинг с боевым топором, Любой из этих воинов может оказаться здесь как плечом к плечу, так и лицом к лицу. Всем тем, кто любит захватывающий сюжет, приключения, юмор, узнать что-то новое об обрядах, преданиях, суевериях и воинских традициях разных эпох и народов, будет интересно почитать «Хроники острова магов».

УДК 83-3.161.1
ББК 4(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-93682-833-1

© Бобков Р. О., 2013
© Геликон Плюс, 2013

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Рыцари в лесу	8
Глава 2. Русичи	13
Глава 3. Дети драконов	18
Глава 4. Томительное ожидание	23
Глава 5. Идущая на смерть	28
Глава 6. Болотный великан	33
Глава 7. Последний из рожденных	40
Глава 8. Поединок	48
Глава 9. Некромант	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роман Бобков

Хроники острова магов

Семена жизни

Книга 1

Замок на болоте

От автора

Хроники острова магов – это не истории про то, как добро побеждает зло. Или как добро борется со злом. И уж конечно, это не истории про то, как зло борется и побеждает добро. Хроники острова магов – это истории про то, что у каждого свое добро и свое зло.

Представим себе одиноко бредущего, попавшего под проливной дождь путника. Дождь этот будет для путника злом, из-за которого он весь промокнет и рискует серьезно заболеть. В то же время живущему неподалеку фермеру этот же самый дождь польет всходы, которые дадут хороший урожай, а самому фермеру не надо беспокоиться о поливе. Так что для фермера дождь, который путнику причиняет зло, является добром...

Часто в начале своих книг авторы пишут примерно следующее: все события и герои вымышлены, любые совпадения случайны. Но так уж обусловлено выбранной темой, что в хрониках острова магов как раз все наоборот. Здесь большинство героев имеет свои реальные исторические прототипы, а многие события, хоть это, безусловно, и сказка, построены на существующих или существовавших традициях, обычаях, преданиях и суевериях того или иного народа. А любые традиции, обычаи, предания и суеверия во многом, как и вообще история всего человечества в целом, связаны с воинскими искусствами, которые и отражены в хрониках.

Идея написания хроник возникла после ознакомления с легендой, напечатанной на сайте www.tehnolog.ru, – сайте фирмы, делающей замечательные игрушки как для детей, так и для взрослых.

Автор искренне надеется, что чтение хроник будет не только увлекательным, но и весьма познавательным времяпрепровождением.

Пролог

Я давно уже не верю в сказки. Нет, в сказки я не верю вовсе не потому, что я давно не ребенок и что взрослому мужчине несолидно всерьез воспринимать истории про всякие там волшебства и былые времена, когда чуть ли не каждый десятый был магом, а по улицам свободно разгуливали, ползали и летали создания сказочных миров.

Так уж сложилось, что мне по наследству достался расположенный на перекрестке дорог небольшой постоялый двор со своим трактиром и прочими удобствами, нужными останавливающимся на ночлег путникам.

Народ у меня бывает самый разный, но любой из них, захмелев от доброго вина или славного пива, кои всегда имеются в моем трактире, очень уж любят рассказывать всякие небылицы и сказочные истории. Ну а самые любимые сказки и небылицы – это, конечно, про пресловутый остров магов и его обитателей.

Все бы ничего, но уж больно ревностно каждый рассказчик доказывает свою правоту в том, какие именно на острове магов обитатели, как они выглядят и чем занимаются. Что интересно, никто этот остров никогда и в глаза-то не видел, а его обитателей и подавно, но люди день за днем продолжают утверждать, что остров этот есть, а живущие на нем маги вообще были когда-то жителями нашего континента. Мол, случился давным-давно страшный конфликт, после которого изгнали всех магов на далекий сказочный остров, а сам остров наглухо закрыли и изолировали от внешнего мира.

Так говорят одни. Другие же утверждают, что это сами маги огородились на этом острове от внешнего мира и нашего континента, чтобы никто не мешал им заниматься там своим волшебством.

Ну а третьи самозабвенно веруют, будто маги живут среди нас и сейчас, но из-за древнего конфликта никак себя не проявляют и всячески скрывают свои способности.

Вот так и спорят по вечерам мои постояльцы об острове, которого скорее всего вовсе и нет. Выдумывают небывалых существ, птиц и зверей. Утверждают, что даже обычные звери и птицы там не совсем обычны. Мол, зайцы там величиной с белку, крысы размером с большую собаку, а птицы, вместо того чтобы вить на деревьях гнезда, роют себе норы в земле.

Любят они также постучать кулаками об стол, выясняя, какие на самом деле на том острове гномы, великаны, феи, оборотни и другие выдуманные существа, коих всех так сразу и не упомнишь.

На прошлой неделе двое постояльцев даже подрались из-за спора о том, какие на самом деле живут на острове эльфы. Один утверждал, что они высокие, благородные и умные, с радостью помогают людям, но не всем, а лишь избранным. Другой же настаивал на том, что эльфы ростом меньше, чем человек, умом не отличаются, но очень коварны и людям только вредят.

Свою правду никто из спорщиков друг другу не доказал, но зато они обменялись хорошими тумаками, в результате которых у одного был свернут на щеку нос, а у другого в верхнем ряду зубов образовалась заметная брешь.

Сам я в спорах постояльцев никогда не участвую, да и сказки их стараюсь не слушать. Я, собственно, потому эти сказки и не люблю, что наслушался их вдоволь, и теперь меня от них только воротит.

Но недавно у меня начал останавливаться один человек, век так сторонится излюбленной темы большинства, но в любом случае я решил завести с этим моим нечастым, но довольно регулярным постояльцем что-то вроде знакомства.

– Здравствуйте! – бодро и весело улыбнулся я человеку, когда он вновь однажды появился в моем постоялом дворе. – Желаете снять комнату на ночь?

– Да, желаю, – коротко кивнул в ответ человек, – только на этот раз не на ночь, а на три.

– У вас, наверное, дела неподалеку? – широко улыбаясь, попытался я продолжить разговор.

– Нет, – коротко ответил он. – С чего вы взяли?

– Ну, – пожал плечами я, – обычно здесь люди бывают проездом, переночуют ночь – и дальше в дорогу. Вы вроде раньше тоже так делали, а сейчас на три ночи хотите остаться, вот я и решил, что, наверное, у вас дела...

Человек пристальнее обычного взглянул мне в глаза, словно пытаюсь понять, есть ли у меня какой-то тайный замысел или я так, от скуки, решил поболтать, а потом, махнув рукой, ответил:

– Да нет, просто надо выждать время. Туда, куда я держу путь, мне еще рано.

– А, понятно, – изображая понимание, протянул я, а затем резко сменил тему: – Заметил, что вы тоже не оченьто любите все эти сказки про остров магов?

– Сказки про остров магов? – удивившись моему новому вопросу, переспросил постоялец.

– Ну да. Я ни разу не видел, чтобы вы, как многие другие, болтали об острове сами и слушали болтовню остальных.

Человек снова пристально взглянул на меня, а потом вдруг неожиданно ответил:

– Хотите послушать про остров магов? Ну что ж, если ужин за счет заведения и вы убавите половину освещения, то я вам расскажу. Приходите вечером в трактир. Вы ведь часто по вечерам наблюдаете за своими постояльцами в трактире?

Ответить я не успел, человек, взяв ключ от комнаты, развернулся и быстро ушел.

Опять же не могу сказать, почему я, человек скептически и негативно относящийся к байкам про якобы существующий на самом деле, остров магов, решил выполнить пожелания своего постояльца и послушать, что же он мне хочет поведать, но я точно об этом не пожалел.

Мой рассказчик, чтобы придать своим историям правдивый вид, не размахивал руками, не бил кулаком по столу и не переходил на зловещий заговорщический шепот, будто передает мне великую тайну! Он также не рвал на груди рубаху, не делал большие круглые глаза, как будто сам приходя в ужас от своих правдивых выдумок. Нет, речь его была спокойной и достаточно размеренной. Но зато он ни разу не сбился, как это часто бывает, когда человек откровенно врет, и не путался в своих рассказах. Плюс ко всему его повествование было настоящей большой историей, а не каким-то небольшими, не связанными друг с другом отрывками. Из-за этого мне при каждом расставании не терпелось побыстрее увидеться вновь и узнать, что же было дальше.

Я кормил его бесплатным ужином, а после и обедами и завтраками не только в эти три дня, а всякий раз, когда он вновь останавливался в моем постоялом дворе. Я также по его просьбе выключал половину электрического освещения. А когда мы засиживались допоздна, так что кроме нас в таверне уже никого не было, то я вообще гасил свет, выключал большинство электроприборов, и мы сидели при свечах.

Мой рассказчик говорил, что такой у него особенный организм, болезненно чувствительный к электрическим полям. Я в подробности не вдавался, а он взамен не только продолжал свои рассказы, но и позволил их записывать.

Свои записи я называл хрониками, а точнее: хрониками острова магов. Верить тому, что я записал или нет, пусть каждый для себя решает самостоятельно. Я, например, до сих пор не могу однозначно ответить, верю ли я во все это сам...

Глава 1. Рыцари в лесу

Скоро рассвет. Это будет уже седьмой рассвет, который закованные в броню рыцари встретят в этом странном лесу. Точнее сказать, странным был не сам лес, а рыцари, которые, несмотря на то что никакой видимой угрозы их жизням не наблюдалось, не снимали своих доспехов даже во время сна. Да и это, пожалуй, не самое странное обстоятельство. Мало ли причин может быть у воинов быть всегда начеку и при оружии? Например, засада или разведка. А может, выход из окружения или бегство после разгрома основного войска и опасность быть в любой момент настигнутыми преследующими врагами. Только вот всего этого не было... Их было всего пятеро, но они не были разведчиками и не укрывались для неожиданного нападения. И в то же время их никто не преследовал. Однако они, с тех самых пор как здесь оказались, всегда выставляли часового, который в любое время дня и ночи зорко охранял лагерь.

Сейчас на посту стоял непревзойденный мечник Ульвэ. Его умение владеть мечом было настолько виртуозно, что он уже давно не пользовался щитом. По его словам, щит в бою ему только мешал. Вся его техника была построена в основном на атаках и контратаках, упреждающих выпады противников. Зачем подставлять щит или меч под удар, когда можно просто ударить быстрее? И действительно, так быстро разить, как Ульвэ не мог никто. Когда обычный воин успевал сделать один быстрый удар, Ульвэ, наносил как минимум, два. Вот и сейчас, охраняя сон своих товарищей, Ульвэ уверенно сжимал эфес своего меча.

Впервые в этом лесу, находясь на посту, ему не надо было патрулировать лагерь, обходя кругом непролазную чащу. В этот раз они наконец-то вышли хоть к какой-то возвышенности. Поначалу даже обрадовались, что лес заканчивается, ведь деревья заметно поредели, а за холмом виднелся просвет. Но, взобравшись на холм, увидели, что всего лишь вышли на лесную поляну, за которой опять виднелся бесконечный лес.

Поляна с трех сторон была окружена холмами, которые создавали полукольцо. На самом высоком, центральном холме рос густой кустарник, в котором можно было спрятать в засаде чуть ли не армию. Да, для сражения место отличное, размышлял находившийся на холме Ульвэ. Если заманить врага в центр чаши, поставив у его подножия тяжелых панцирников, а за ними укрыть легкую пехоту, то врагу покажется, что главное – это сломить панцирников. Вот тут-то ринувшийся в атаку враг и будет накрыт стрелами и болтами спрятавшихся в кустах лучников и арбалетчиков. А завершила бы дело укрытая за двумя другими холмами конница.

Да, как ни крути, а помечтать Ульвэ любил еще с детства. Он всегда представлял себя полководцем, хотя на самом деле ни разу не командовал даже отрядом. Его мечты прервала вспорхнувшая с правого от него холма птица, быстро ушедшая в небо и, описав круг, улетевшая в лесные дебри на другой стороне поляны.

Птицы так резко с места не срываются, ее явно кто-то спугнул. Но холм по правую руку был виден как на ладони, поскольку, как и тот, что был слева, располагался значительно ниже того, на котором дежурил Ульвэ. И холм этот был абсолютно пуст. Замерев, Ульвэ напряг зрение и слух, но так и не смог больше ничего услышать или разглядеть в предрассветных сумерках.

Глаза начинали слипаться. Пора будить смену. Еще раз внимательно оглядевшись и прислушавшись, Ульвэ направился к их ночлегу. Между двумя валунами, на спуске холма со стороны леса, крепко спали его товарищи. Подойдя к Михасу, Ульвэ легко тронул его за плечо, и Михас тут же открыл глаза.

– Твоя очередь.

– Все спокойно?

– Да, как обычно, только местные глупые птицы срываются неизвестно куда перед самым рассветом. На вот, рог не забудь.

Михас взял у Ульвэ рог и побрел к вершине холма, разминая на ходу затекшую во время сна шею.

Предрассветный сон самый сладкий. Ульвэ с удовольствием пристроился на место Михаса и сладко растянулся. Хотелось снова предаться мечтаниям о битвах и сражениях, где он бы командовал целыми армиями, а потом, как обычно, провалиться в глубокий сон. Но вместо этого опять нахлынули воспоминания о том, как они здесь очутились.

В первый день пребывания в лесу от ужаса и неведения они даже не разговаривали. Первым тогда пришел в себя именно Михас. Заявив, что неважно, где они, но раз им удалось избежать смерти, то будет глупо снова приглашать ее в гости, он отправился в караул. Все молча согласилось. На второй день их пустые желудки стали требовать пищи. Зверя в лесу было достаточно, и он был не особо пуглив. Так что без еды они не оставались. Только вот мясо приходилось есть сырым, так как возможности добыть огонь не было. Так они и существовали все это время. Днем брели неизвестно куда, подстреливая по пути подворачивающуюся дичь, а по ночам устраивались на ночлег. И чем дальше, тем больше ими завладевала безысходность...

Мысли Ульвэ начали смешиваться. Вот уже их не пятеро, а целая армия бредет по таинственному лесу. Во главе армии он, Ульвэ, на превосходном вороном жеребце. Рядом верные оруженосцы и телохранители. Подъезжает разведчик и, соскочив с седла и припав на одно колено, докладывает, что враг в ловушке. Значит, все идет по плану. Ульвэ поднимает вверх руку, чтобы дать сигнал к началу атаки, но тут слышит, как трубит рог. Значит, враг их всетаки обнаружил! Странный только вот звук у этого рога, вроде начало было как у сигнала тревоги, а потом сорвалось в обычный протяжный звук!..

– Ульвэ, ты что, оглох?! Вставай скорей!

Ульвэ разлепил глаза. Один из товарищей тряс его за плечи, а с холма, где должен был быть Михас, раздавался тревожный сигнал рога. Только сигнал этот был больше похож на крик перепуганной женщины или до ужаса напуганного ребенка, когда тот уже не может крикнуть ни мама, ни папа, а просто истошно орет, с силой выталкивая воздух из своих легких.

Вскочив на ноги и обнажив меч, Ульвэ бросился вслед за своими товарищами, которые уже бежали вверх по холму на выручку к Михасу.

Продравшись сквозь кустарник, товарищи увидели Михаса, бледного как мел, но совершенно одного. Глаза Михаса были выпучены, щеки раздуты от постоянного усилия, а самого его била дрожь. Трое подбежавших первыми воинов полукольцом окружили Михаса, встав к нему спиной, и с обнаженным оружием приготовились к бою. Ульвэ тоже остановился с поднятым клинком и осмотрелся. Ничего не происходило. Никто не нападал, а Михас, понявший, что товарищи уже рядом, оторвался от рога и, тяжело дыша, озирался вокруг.

– Что случилось, Михас? Ты кого-то видел?

Михас злобно и с ужасом уставился на задавшего вопрос Ульвэ.

– Кого-то?! Ты говоришь – кого-то?! Я видел демона!! Господь наказал нас за наши грехи, и мы попали в ад! Просто дьявол, видимо, слишком занят, поэтому не прислал своих слуг за нами сразу!

Крик обезумевшего Михаса начал переходить в истеричный визг, и Ульвэ ничего не оставалось, как отвесить тому хорошую пощечину.

– Да очнись же ты наконец! Ты можешь толком объяснить, в чем дело?

Пощечина слегка отрезвила Михаса, но неподдельный ужас, застывший в его глазах, так и не проходил. В конце концов он стал справляться с истерикой и, отпихнув от себя Ульвэ, бросился к ближайшим кустам.

– Здесь! Здесь он стоял! Его желтые глаза и огромная пасть с высунутым языком до сих пор у меня перед глазами!

Остальные воины молча подошли к Михасу и стали осматривать на указываемое Михасом место. Никто из них следопытом не был, но поскольку обычная трава доходила рыцарям

примерно до колена, то разглядеть в лучах восходящего солнца, что здесь в кустах действительно кто-то побывал, было несложно.

– А ты случаем не сам здесь топтался? – спросил Михаса один из воинов.

Михас злобно оглянулся, понимая, что ему не очень верят, но вместо него ответил Ульвэ.

– Смотрите внимательно, наши следы более глубокие, сильнее и четче впечатаны в землю. А здесь если кто и был, то он явно не в таких тяжелых доспехах, как наши, или даже совсем налегке.

Все стали внимательно сравнивать свои следы с вмятинами, оставленными так называемым демоном. Ульвэ был прав: трава была примята хоть и обширно, что свидетельствовало о длительном пребывании возле кустов неизвестного, но неглубоко, четких отпечатков не прослеживалось. Молча переглянувшись, рыцари пошли дальше в кустарник.

– А дьявол-то наш, похоже, сильно торопился, – заявил Трувор, широкоплечий воин, непревзойденный наездник и участник множества рыцарских турниров. – Смотрите, как далеко друг от друга шаги! Такое только если бежишь огромными скачками бывает.

Воины пошли дальше по примятой траве. В одном месте, крот, а может, какая другая местная, живущая под землей живность оставила на земле бугорок из свежей земли. На этом бугорке отчетливо отпечатался след того, кто так напугал Михаса. И это был обычный человеческий след от сапога либо ботинка.

Все сначала молча уставились на след, затем, переглянувшись, обратили вопросительные взоры на Михаса. Общую мысль выразил Трувор.

– Что ни говори, а дьявол обуваться не будет, ему и на копытах хорошо скажется, – с явной долей сарказма заявил он.

– Значит, ты считаешь, что я, словно перепуганная монахиня, которая стоящую в темном углу метлу приняла за злую ведьму, просто так вот взял и от страха не смог отличить человека от нечеловека?! – сорвался на крик Михас.

Повисла тяжелая пауза молчания. Нарушил ее Ульвэ.

– Я думаю, что все мы сильно устали за последние дни. То, как все мы здесь оказались, сильно отразилось в наших душах. Так сильно, что мы, боевые друзья и верные товарищи, с первого дня здесь и до этого момента ни разу обо всем произошедшем ни словом не обмолвились. Наш молчаливый договор, а может, просто страх наших душ и разума лишил нас дарованного господом языка общения...

– Клянусь гробом господним, – перебил говорившего Трувор, – ты заговорил как проповедник! Хотя есть твоя правда! Сдается, слишком мы перепугались этого леса. Ихотядосихпорневозмусьутверждать, врайили ад нас занесло, но голод я чувствую, как и раньше. Поэтому предлагаю вернуться на стоянку, набить брюхо остатками вчерашнего кабана, а там уж и порассуждать, что да как.

Речь Трувора, такая непосредственная и привычная еще пару недель назад, сейчас прозвучала для всех так, словно он вдруг заговорил не своим голосом. Трувор всегда был весельчак и балагур, любитель и знаток молоденьких девиц, а иногда и монашек не гнушался. Даже перед смертельным боем любил пошутить, а уж запасов крепких ругательств вообще было не счесть. Только все это было нормальным до этого треклятого леса. Здесь даже он молчал всю неделю и только крепче сжимал в кулаке свое боевое копьё, когда была его очередь дежурить. Но именно слова Трувора словно пробудили всех от какого-то морока, продолжавшегося с момента их появления в лесу. Некоторые даже изобразили на своих суровых лицах нечто похожее на улыбки. А еще все почувствовали жуткую усталость, не ту, которая наваливается от тяжелой работы, а ту которая приходит, когда после долгого томительного ожидания смертельного боя тебе сообщают, что враг передумал и увел свои войска.

Стало быть, так и порешили. Гнаться за неизвестным уже не было смысла да, возможно, даже опасно, так что они бодро зашагали обратно.

Подойдя к месту ночного дежурства, они остановились, все невольно вспомнили недавнее перекошенное ужасом лицо Михаса, который шел последним и единственный все время оглядывался по сторонам и не разделял внезапно нахлынувшей всеобщей беспечности.

– Я останусь на посту, – заявил Михас так, словно мальчишка, которого обвиняют в трусости, для доказательства обратного полез в чужой сад, охраняемый злобным псом.

– Оставайся, конечно! – весело пробасил Трувор. – Мяса мы тебе сырого оставим, а лишних гостей от нашей пирушки ты отпугне...

Трувор не договорил. Его прервал сильный тычок локтем Генриха, уставившегося в подножье холма.

– Смотрите! Внизу... – проговорил всегда немногословный Генрих сдавленным голосом.

К подножью холма приближалась группа невиданных воинов. От ног и до шеи они выглядели как обычные люди, но вместо человеческих голов на их плечах находились ужасные морды чудовищ. На монстрах была странная одежда, точнее, можно сказать, что одежды не было вовсе, ее заменяли куски обернутой вокруг бедер кольчуги. Оружие монстров тоже было необычным. Это были либо сильно загнутые на концах тонкие мечи, больше похожие на крюки, либо что-то среднее между кистенем и плетью, у которой хлыстовая часть сплетена из тончайших железных нитей, а на концах один или несколько металлических шаров. Пасти воинов-монстров периодически приоткрывались, и из них быстро высывались ярко-красные раздвоенные языки, словно чудища пробовали воздух на вкус. Один из воинов катил рядом с собой странное приспособление. Это была труба почти в человеческий рост, опрокинутая на небольшую тележку с колесами. С виду могло показаться, что труба на колесах довольно тяжелая, но монстр, ее кативший, делал это так непринужденно, словно это было просто колесо от телеги.

В центре монстров был один, заметно отличающийся от других. Если бы не ужасная голова с желтыми выпученными глазами и зубастая пасть с раздвоенным языком, то это чудовище вполне можно было бы назвать женщиной, поскольку оно имело более узкие плечи и широкие бедра, а большую женскую грудь даже можно было назвать красивой.

У подножья холма монстры остановились. Тот, что катил трубу, направил ее отверстие на остолбеневших на вершине холма рыцарей. Самка, которую назвать женщиной не поворачивался язык, вышла чуть вперед и подняла вверх левую, не отличавшуюся, как и правая, от человеческой руку.

Все рыцари застыли как вкопанные на своих местах. От ужаса и страха перед увиденным у них сперло дыхание, и они были не в силах даже пошевелиться. Таких демонических чудовищ никто из них не видел даже в кошмарах. Все поняли, что Михасу не почудилось.

Единственным, кто сохранил хоть немного самообладания, был Ульвэ. Его мысли проносились в голове с лихорадочной быстротой: «Неважно, демоны или кто еще, но оружие у них обнажено, значит, готовы к бою. Передвигаются в четком боевом порядке, а не каждый шагает сам по себе, стало быть, к встрече с нами были готовы. Несмотря на худшее положение по сравнению с нашим, находившимся на холме отрядом, кажутся совершенно спокойными и невозмутимыми. Засада? Пока мы шли по следам, нас окружили, а отряд внизу – приманка, чтобы выманить нас вниз с холма? Командует скорее всего предводительница в центре. Остановились по ее команде, и она выходит вперед. Поднимает руку. Готовится дать своим сигнал к атаке?»

– Бей! – неожиданно для самого себя заорал Ульвэ и, быстрым движением опустив забрало и обнажив верный меч, ринулся вниз на предводительницу.

Закаленным в смертельных боях воинам второго приглашения не потребовалось. С шелестящим свистом вылетели из ножен мечи, звякнули металлом опустившиеся забрала, а самый низкорослый из всех воинов, по имени Виктор, быстро зарядил арбалет и припал на одно колено.

И тут грянул гром. Бежавший первым Ульвэ увидел, как из трубы на тележке вырвался огонь и облако дыма. Уши заложило, а через щели забрала обдало теплым воздухом пронесшегося буквально в волоске от головы ядра.

Ядро пронеслось мимо бежавших в атаку рыцарей и в мгновение снесло голову целившемуся из арбалета Виктору, который даже не успел спустить тетиву. Ярко-алый фонтан взметнулся из того места, где только что находилась голова воина, а смертельный снаряд, продолжив движение, ударил прямо в грудь чуть замешкавшегося за спиной Виктора Трувора. Трувор отлетел от мощного удара на несколько шагов назад и, тяжело ударившись о землю спиной и затылком, застыл без движения. Из рта Трувора потекла кровь.

Нацеленный в своей атаке на предполагаемую предводительницу Ульвэ в мгновение поменял свое решение и обрушился всей мощью на злобного демона, мечущего из своей трубы смертельные ядра. Демон оскалился в злобной ухмылке и занес для удара свой меч-крюк. Но никакой демон не мог тягаться в скорости с непревзойденным мечником уже не существующего ордена меченосцев.

Ульвэ молниеносно широкой дугой слева направо полоснул по открытому животу противника, вернул по дуге меч к правому боку и, чуть развернувшись, выпадом снизу вверх нацелил острие меча под подбородок предводительнице. Расчет был, как всегда, верен, первый противник не успел прикрыться и обрушить свое оружие, а предводительница, не ожидавшая такой стремительности, лишь успела чуть отшатнуться, что не спасало ее от разящего клинка Ульвэ.

Но тут случилось непонятное, Ульвэ почувствовал, что его цепляют крюком за ногу, а делает это не кто иной, как демон, который должен был валяться с распоротым брюхом. Не дотянувшись до предводительницы, Ульвэ распластался на земле, и тут же на его затылок обрушился мощный и тяжелый удар. Глаза залила кровавая пелена.

В полуобморочном состоянии Ульвэ слышал крики своих товарищей, глухие удары, а потом все затихло.

Но нет, он не провалился в забытие, как показалось сначала. Просто сражение закончилось очень быстро. Справа слышится чей-то стон... Надо подняться, обязательно подняться...

Ульвэ, с трудом опираясь руками о землю, смог сесть. Голова гудела, в глазах плыло и рябило, во рту чувствовался противный привкус крови и тошноты. Слева были видны быстро удалявшиеся, а затем скрывшиеся в лесной чаще воины-демоны со своей предводительницей, а справа и чуть впереди навзничь лежали боевые товарищи.

Ближе всего лежал, не подавая признаков жизни, лицом вниз, широко раскинув ноги и руки, Генрих. Недалеко от него, издавая тихие стоны, больше похожие на собачье скуление, находился Михас. Выше на холме было обезглавленное тело Виктора, а за ним с кровавой пеной у рта лежа застыл Трувор.

Еще плохо соображая, Ульвэ нашел в себе силы, чтобы подняться на ноги. Правая рука до сих пор сжимала меч, на котором не было даже намека на оставшуюся после удара по демону кровь и плоть. Славно отточенный и отполированный клинок ярко сиял на солнце.

Ульвэ поднял взгляд от клинка и увидел, что в его направлении, не спеша, но уверенно идет новый враг. Враг шел молча, его меч покоился в ножнах, а в спокойном и уверенном взоре совсем не было агрессии. Но это все равно был враг! Враг, с которым Ульвэ сражался все последние годы. Враг умелый и от этого еще более ненавистный. С одного из небольших холмов, в направлении рыцарей, спускался русский витязь.

Глава 2. Русичи

Когда небольшой отряд Евпатия возвращался с дозора, уже начинало заходить солнце. Все было как обычно, тихо и спокойно. Этому было очень простое объяснение: враги пока еще ничего не знали про их новый лагерь. А если бы и узнали, то шансы найти его в этих непролазных чащобах, к которым была к тому же добавлена изрядная доля магической завесы, практически равнялись нулю. Но осторожность никогда, а в этих местах особенно, не бывает лишней. Вот и выставлял всегда воевода, несмотря на беспечное спокойствие, сменяющие друг друга дозоры.

Внимательно вглядываясь вперед и под ноги, первым шел следопыт Прошка. Весьма незаурядный малый, умеющий и зверя выследить, и притаившегося врага первым обнаружить. Вдруг он неожиданно замер и вскинул вверх указательный палец. Все застыли на месте. Прошка аккуратно шагнул вперед, присел на корточки и принялся что-то внимательно исследовать на земле. Затем, полусогнувшись, продвинулся дальше в лес, постоянно присматриваясь к чему-то на земле. Остальные дружинники оставались на месте, прислушиваясь и наблюдая за хитрыми маневрами Прошки.

Прошка тем временем, видимо, уже закончил свое исследование и знаком позвал Евпатия.

– Ну что тут у тебя, Прохор? – тихо спросил подошедший Евпатий.

– Да местные, похоже. Точнее, местный, один. Сильно торопился, видать, но прошел недавно, мох совсем приподняться не успел. – ответил Евпатию следопыт.

Местные вообще показывались на поверхности крайне редко, а появление одного из них рядом с новым лагерем, по-настоящему настораживало.

Евпатий отправил двоих из отряда с донесением в лагерь, а с остальными спешно двинулся по следам местного. Идти пришлось всю ночь. Если бы не опытный Прошка, то либо уже давно бы потеряли в темноте след, либо обнаружили бы себя непримиримому врагу. А враг, он же местный, торопился, и даже очень. Потом уже Евпатий смекнул, что по-хорошему надо бы было еще направить пару людей, чтобы посмотрели, откуда местный пришел, но следопыт в отряде все равно был только один, да и поздно пришла умная мысль.

Шли быстро, иногда почти бежали. Радовало одно: преследуемый направлялся и не в сторону их нового лагеря, и не в сторону болот, где обычно обитали его мерзкие собратья. А главное, враг совсем не маскировался, что облегчало слежку, но в то же время было очень странно и необычно для местного.

К утренним сумеркам вышли на поляну трех холмов. Дальше двигаться напрямую за мерзким драконоголовым было опасно. И не только потому, что открытая местность, в отличие от леса, хорошо просматривалась. Уж слишком чувствительными были у этих тварей их раздвоенные языки, которыми они могли ощущать на значительном расстоянии, особенно при благоприятном ветре.

Было решено двигаться по соседнему холму, параллельному тому, по которому направлялся драконоголовый. Все равно оба холма потом объединялись с самым большим третьим. Так что выйти на след преследуемого будет несложно.

Передвигаться приходилось буквально ползком, иначе драконоголовый мог их увидеть.

Уже недалеко от центрального холма дружинники спугнули землеройку, местную птицу средних размеров, выводящую птенцов не в гнездах, а в норах. Землеройка резко взмыла вверх, и если бы не Евпатий, быстро соткавший заклинание невидимого покрывала, глупая птица могла бы выдать весь их отряд.

Дружинники залегли; пока они будут лежать, их не сможет увидеть даже самый острый глаз, об них можно было только споткнуться. Лежали молча, ведь магическое покрывало убеждает от постороннего взгляда, но не от чуткого слуха.

Когда уже всем показалось, что они пролежали затаившись достаточно долго, и если не начать двигаться дальше, то можно и упустить мерзкую тварь, а главное ее цель, вдруг раздался раскатистый и тревожный звук боевого рога.

Трубили с центрального холма. Евпатий внимательно присмотрелся и увидел среди кустов на вершине центрального холма закованного в доспехи воина. Видимо, из-за слишком большого внимания к драконоголовому дружинники не заметили воина раньше.

Почти сразу возле трубившего очутились еще несколько, похоже одетых и экипированных воинов. Их точное число рассмотреть было трудно, мешали кусты на вершине холма.

Воины на холме, недолго посоветовавшись, скрылись из виду.

Евпатий раздумывал, что предпринять. Намерения и происхождение воинов были неизвестны. Сколько их там может быть еще в лесу за холмом? А главное, драконоголовый, уж не на встречу ли с этими воинами направлялась эта мерзкая тварь из проклятого рода предателей? Что означает сигнал рога?

Пока Евпатий раздумывал, его тихонько толкнул в бок лежавший рядом Прошка и указал на другой конец поляны, противоположный центральному холму.

Из леса выходил небольшой отряд драконоголовых. Во главе отряда, как всегда, была самка. Один из драконоголовых воинов нес на заплечных ремнях дуло пушки, другой, также на спине – небольшую собранную тележку.

Выйдя из леса, драконоголовые остановились, те, что несли за спинами поклажу, быстро от нее освободились и, соединив вместе разрозненные части, соорудили полноценную пушку. Остальные просто достали свое обычное оружие, и весь отряд двинулся напрямик через поляну к центральному холму.

Дружинники молча наблюдали за происходящим. Отряд местных двигался так, словно готовился к стычке. Но с кем? Если с воинами, что трубили в рог, так те уже убрались восвояси. Или затаились в кустах? Но тогда они просто расстреляют с холма немногочисленный отряд местных, даже не подпустив последних на расстояние рукопашной схватки. Только вот драконоголовые были какими угодно мерзкими тварями, но далеко не глупыми, чтобы всего этого не понимать. А тем более с ними самка. Все это выглядело довольно странно.

Тем временем, когда отряд местных уже почти подошел к центральному холму, на последнем снова показались закованные с ног до головы в броню воины.

Солнце в этих краях всходит быстро, поэтому теперь уже можно было четко разглядеть, что воинов на холме пятеро. Они, казалось, совсем не заметили присутствия у подножия холма драконоголовых, а когда заметили и вовсе повели себя странно. Казалось бы, при очевидной опасности, а тем более при наличии у врага огнестрельного орудия следовало немедленно рассредоточиться, а лучше залечь. А дальше действовать по обстоятельствам.

Но драконоголовые пользоваться моментом для удобного обстрела скучковавшихся воинов тоже не спешили. Вместо этого они остановились, а их предводительница вышла вперед с поднятой вверх левой рукой, что могло означать только одно: она несет слово.

Стремительности и безрассудству с какими, выкрикнув боевой клич, ринулся на местных один из воинов, подивился даже издавший виды Евпатий. Самым странным было то, что Евпатий совсем не почувствовал, чтобы заколебались магические нити и привели в действие артефакт воинов на холме.

А вот предводительница среагировала быстро. Евпатий сразу почувствовал переплетение упругой кожи, которое сплела самка драконоголовых. Да и управляющий орудием монстр не медлил, правда, на миг показалось, что стрелял он все-таки по бегущему впереди, но когда ядро уложило сразу двух воинов за ним, все сомнения отпали.

Дальше все случилось довольно быстро. Безрассудно бросившиеся в атаку воины были тут же смяты умелыми действиями драконоголовых. Ловко орудуя своим необычным оружием, они уложили нападавших без особых усилий. Добивать поверженных врагов монстры не стали. По команде предводительницы они, привычно лизнув несколько раз воздух, быстро собрали оружие и поспешно убралась туда, откуда пришли. Смысл стычки был совершенно непонятен.

Дружинники, наблюдавшие всю непродолжительную схватку, по-прежнему молча лежали на соседнем холме, ожидая, что предпримет Евпатий.

Решение Евпатий принял сразу, как только осознал, что действовать так, как воины на холме, могли только недавно призванные! Он сделал знак своим, чтобы оставались на месте, а сам поднялся и спокойно направился к поверженным воинам.

Один из воинов, проигравших в недавней схватке, шатаясь поднялся и устремил свой взгляд на Евпатия. Вряд ли недавно призванным были известны законы слова, но это не значило, что Евпатий не должен их соблюдать. Остановившись и, на всякий случай положив правую ладонь на эфес меча, Евпатий поднял вверх ладонь левую и громко произнес:

– Несу слово!

Ульвэ молча стоял, хмуро уставившись на Евпатия.

– Если ты со своими воинами не хочешь немедленно скрестить наши мечи, а готов вступить в переговоры, – спокойно продолжал Евпатий, – то подними вверх правую ладонь и громко скажи, что мое слово принято.

Ульвэ очень хотелось не просто скрестить мечи, а раскрыть череп этому самоуверенному русичу в остроконечном шлеме, тем самым хоть как-то возместив горечь поражения от демоноподобных. К внезапной атаке русич, конечно, готов, вон и рука на эфесе, но сколько уже подобных этому воинов пало от быстрого меча Ульвэ? Да столько, что и счет давно потерян!

Голова Ульвэ сильно гудела после перенесенного удара. Но совсем не это обстоятельство заставляло Ульвэ все еще стоять в бездействии. Остальные поверженные рыцари тоже не были причиной по которой Ульвэ тут же не набросился на говорившего. Уж что-что, а то, что ни один русский богатырь не сможет один на один устоять в схватке с ним, Ульвэ доказывал не раз. Но вот русский ли богатырь стоял перед Ульвэ? Нет, внешний вид не вызывал никаких сомнений, но речь!.. Богатырь говорил на чистейшем языке Ульвэ и его товарищей!

– Откуда ты знаешь наш язык? – грубо выкрикнул в ответ Евпатию Ульвэ. – Или ты переодетый воин одного из орденов гроба господня?

– Подними правую руку вверх и скажи, что мое слово принято! – не обращая внимания на вопрос, ответил Евпатий и на четверть вынул меч из ножен.

Дружинники на холме, скрытые магическим покрывалом, внимательно наблюдали за действиями Евпатия. Если меч выйдет из ножен больше чем на треть, всем следует, обнаружив себя, подняться и приготовиться к атаке.

– Ну хорошо, принимаю я твое слово! Что дальше? – махнул рукой Ульвэ.

– Твоим воинам, тем, кто еще жив, требуется помощь. Я предлагаю ее тебе, – громко и в то же время спокойно ответил Евпатий.

– Чем ты, русский лапоть, можешь помочь мне и моим воинам? – грубо ответил Ульвэ, сделав особое ударение на русском лапте.

Не обращая внимания на грубость и явную провокацию со стороны Ульвэ, Евпатий вогнал свой меч обратно в ножны и, повернувшись к холму, с которого только что спустился сам, крикнул:

– Проща, Игнатий, Богдан! А ну, гляньте-ка, что там наверху? Еще двое со мной, остальные на страже!

Обалдевший Ульвэ округленными глазами наблюдал, как, словно из-под земли, на холме вырастали русские воины. Все в полном боевом вооружении, при доспехах, щитах и оружии. Трое из русских воинов, двое вполне зрелых и один помоложе, быстро направились к тому

месту, где лежали тела Виктора и Трувора. Еще двое быстро подошли к появившемуся первым русичу, и они вместе пошли к месту недавней схватки.

Евпатий осмотрел стонущего Михаса, затем перевернул и прислушался к дыханию Генриха.

– У этого хребет перебит, сам идти не сможет, а вот второй, кажись, целехонек, только без сознания, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Евпатий.

– Тут один, кажись, еще дышит! – прокричал с холма Прошка.

– Значит, так, – обратил наконец внимание Евпатий на безучастно стоявшего Ульвэ. – Вам всем следует отправиться с нами. Выживет ли твой товарищ, в которого угодило ядро, неизвестно. А вот остальных, кроме, конечно, того, что остался без головы, на ноги поднимем наверняка, но для этого надо добраться до нашего лагеря. Положение лагеря никому из чужаков знать не следует. Поэтому вам всем завяжут глаза, но вы останетесь при оружии, потому как не в полон вас берем, а в гости приглашаем. Если не согласен, мы просто уйдем. Выбирай.

Обескураженный событиями последних дней, а особенно последнего получаса, Ульвэ стоял, молча уставившись на русского богатыря. Слова Евпатия доходили до Ульвэ туго и как-то непонятно, словно все это дурной сон. Но Ульвэ точно знал, что не спит. Что же тогда происходит? Все они попали в заколдованные леса где-нибудь под Новгородом или Псковом, где творится неведомая магия? В лесах этих обитают страшные полулюди и русские волхвы, которые непонятными чарами прячут от глаза смертного своих воинов?

Неожиданно для самого себя, Ульвэ произнес:

– Ты не ответил мне, откуда знаешь язык моих сородичей.

Евпатий внимательно посмотрел на старавшегося держаться уверенно и с достоинством рыцаря, и, вздохнув так, словно ему приходится объяснять очевидные вещи неразумному малышу, ответил:

– Я разговариваю с тобой на общем языке. Ты стал его понимать, как только здесь оказался, и я не знаю, как это происходит, но в нашем мире все разумные твари могут понимать друг друга. Со временем ты вспомнишь и свой язык... Однако мы теряем время, а оно тем более дорого, что путь не близкий. Ты принял решение?

– А почему ты решил, что именно я должен принимать решение? – с вызовом ответил, не очень поняв, о чем говорил Евпатий, Ульвэ.

– Разве не командир принимает решения, влияющие на судьбу его воинов?

Объяснять врагу, что он, Ульвэ, вовсе не командир, совсем не хотелось. Но русич был прав, медлить нельзя, а учитывая, что только он, Ульвэ, и в состоянии был сейчас принимать решения, выбора не оставалось. Следовало принимать решение: либо согласиться пленить себя и своих товарищей русичами, либо скорее всего оставить товарищей на верную гибель.

– Послушай, мил человек, – заговорил начинавший выходить из себя Евпатий, – молодцы мои притомились уже, а ты соображаешь уж больно долго. Здесь остаться предпочтешь и сам своих выхаживать будешь али все же с нами идти согласен?

– Этими воинами я не команду, но все они мои боевые братья, поэтому я пойду с тобой и твоими воинами, другого выхода у нас нет, – ответил Ульвэ.

– Ну и славно! – впервые за все время улыбнулся Евпатий.

Через некоторое время удалось привести в сознание Генриха. По голове ему досталось значительно сильнее, чем Ульвэ, поэтому он долго пялился на снующих вокруг русских воинов, выполняющих указания Евпатия, не понимая, где он и что происходит.

А дружинники тем временем соорудили из своих щитов и веток деревьев пару носилок для Трувора и Михаса, затем навалили кучу сухих веток и небольших деревьев, куда возложили тело обезглавленного Виктора.

К погребальному костру подошел Евпатий и, встав на одно колено, стал растирать друг о друга ладони, слегка наклонив при этом голову.

Ульвэ и Генрих молча наблюдали, как русский волхв приложил одну ладонь к груди, а другую поднес к сухим веткам. Почти сразу среди веток вспыхнул маленький огонек, который быстро превратился в слишком яркое и горячее для обычного пламя.

По христианскому обычаю, тело, конечно, должно было быть предано земле, но ни Ульвэ, ни Генрих не спорили с решением русичей о кремации.

Смотреть, как догорает погребальный костер, не стали, надо было думать о живых, а не о мертвых. Жизнь Трувора, перенесшего страшный удар, висела на волоске, и его было необходимо как можно быстрее доставить к знахарю.

Как и было оговорено, всем рыцарям, даже тем кого несли на носилках, не исключая Трувора, завязали глаза плотной тканью. Но это было единственное, в чем их ограничили. По большому счету любой из них мог сорвать повязку, но это уже было нарушением уговора, на которое не решался даже так ненавидящий русских Ульвэ.

В путь двинулись спешно. Ульвэ и Генрих помогали нести на носилках раненых товарищей. Казалось бы, идти с повязками на глазах должно быть неудобно, но после магических манипуляций Евпатия Ульвэ и Генрих бодро и уверенно зашагали, просто держась сзади каждый за свои носилки.

Глава 3. Дети драконов

Отряд местных возвращался в свои болота. Они не выполнили задание владычицы, а это явно не понравится совету сестер. Крагх винил в неудаче только себя. Даже несмотря на то что он действовал по строгому указанию Сильмары, их предводительницы, легче от этого не было.

А ведь так все было гладко. Совет сестер огласил, что оракул почувствовал новые колебания магических нитей, связанных с кристаллами перемещения. Владычица немедленно выслала их отряд под командованием Сильмары к месту предполагаемого перемещения. Крагху, как самому быстрому, поручили двигаться впереди основного отряда и первым обнаружить вновь призванных.

Бегать на большие расстояния мог любой из детей драконов, но так быстро и долго, как Крагх, не мог никто из его племени. И Крагх бежал. Изредка приходилось останавливаться, чтобы наладить теряющуюся связь с Сильмарой, но как только он чувствовал, что магические нити связи восстановлены, снова отправлялся к намеченной цели.

Преодолев значительную часть пути, Крагх по магическим нитям получил сигнал от Сильмары, что его преследует отряд русичей. Но приказ был, несмотря ни на что, держаться намеченной цели. Сильмара уверила, что у нее все под контролем. Крагх лишь стал чуть чаще оглядываться и пробовать языком воздух. Но сам он русичей не чувствовал, если за ним кто и шел, то это были хитрые и бывалые воины.

И вот уже гребень дракона, или, как ее еще называют, поляна трех холмов. Крагх уже чувствовал своим языком вкус металла и плоти намеченной цели, вновь призванные были совсем рядом.

Мысленная связь с Сильмарой была потеряна, видимо, он слишком отделился от отряда. Ждать, когда отряд его догонит, Крагх не хотел, лучше было осторожно подобраться к вновь призванным, а там и связь с Сильмарой наладится.

Крагх осторожно устремился к намеченной цели. Но где же русичи? Их вкуса Крагх так и не ощущал. Уже подходя к становившимся все ближе рыцарям, Крагх уловил, еле ощутимый вкус других воинов, отличных от тех, к которым он направлялся. Крагх замер, проводил взглядом улетающую с противоположного холма в лес землеройку, несколько раз лизнул языком воздух, но никаких новых вкусов не ощутил. А вот вкус стоявшего на холме рыцаря, ощущался четко.

Крагх осторожно направился к вершине среднего холма и тут почувствовал, что воин на холме начинает удаляться. Испугавшись, что вновь призванные могут уйти от детей драконов, Крагх, забыв про осторожность, быстро направился к месту, где только что чувствовался вкус рыцаря.

Крагх не знал, что стоявший на посту Ульвэ всего на всего пошел будить смену. Может быть, еще сказался длительный марафон, как ни крути, а даже самый быстрый и неутомимый среди детей драконов чувствует усталость. А усталость неизменно приносит с собой ослабление внимания и потерю концентрации. Так или иначе, но Крагх выходя на холм, не почувствовал, что один из рыцарей отделился от остальных и поднимается на вершину.

Крагх и рыцарь вышли к месту, которое рыцари облюбовали как наблюдательный пост, почти одновременно. Рыцарь, с наполненными ужасом глазами, замер, уставившись на вышедшего на него из густого кустарника Крагха. Крагх, испуган не был, ведь различных воинов он повидал немало, но от неожиданности тоже замер на месте. В бой с вновь призванными Сильмара вступать строжайше запретила, уже то, что Крагх себя обнаружил, приравнивалось к провалу.

Секунды, которые рыцарь и представитель расы детей драконов стояли, уставившись друг на друга, тянулись так, словно время остановилось. Рыцарь боялся шелохнуться, так как его

переполнял ужас, а Крагх просто был не готов к встрече, а инструкций на этот счет не было. Он имел четкие указания выследить вновь призванных и дожидаться подхода Сильмары с отрядом. То, что Крагх мог позволить обнаружить себя, никому и в голову не приходило.

Внезапно Крагх почувствовал нити Сильмары; видимо, она с отрядом была уже недалеко. Предводительница мгновенно считала ситуацию и послала приказ Крагху немедленно скрыться и двигаться к ней. Крагх сразу же быстро шагнул обратно в кусты и помчался назад, ориентируясь по сигналам Сильмары.

Уже удалившись на значительное расстояние, Крагх услышал, как пришедший в себя рыцарь затрубил в рог поднимая тревогу.

Сильмара была в бешенстве. И хотя внешне она, как и подобает предводительнице, оставалась спокойной, внутри у нее все кипело и она почти дрожала от гнева. А ведь это совет сестер с владычицей навязали ей этого сопляка Крагха, сама Сильмара всегда знала, что молодость – не лучшее подспорье в важных делах. А больше всего Сильмару бесило, что отвечать все равно придется ей, даже несмотря на то что брат Крагха на это дело она не хотела. Но сейчас предаваться гневу не было ни смысла, ни времени. Надо было быстро принимать решение и действовать. Раз не удалось подойти к вновь прибывшим по-тихому, Сильмара решила действовать в открытую.

Сильмара не учла только одного обстоятельства, – страха. Она надеялась, что, выйдя в открытую на поляну трех холмов, даст возможность рыцарям обдумать ситуацию и не принимать скоротечных решений. А вышло все совсем иначе.

Так загнанная в угол крыса от страха бросается на человека, так птица защищает своих птенцов от лисицы, так воины, знаящие, что выжить уже не удастся, сражаются с удвоенной силой и яростью. Во всех этих случаях страх рождает бесстрашие. А то, что воины, устремившиеся в атаку, не дав Сильмаре произнести слово, были напуганы, сомневаться не приходилось. Страх и отчаяние гнали рыцарей в атаку на детей драконов. И последним ничего не оставалось, как принять бой.

Ярости у атакующих было не занимать, но подвело явное незнание недоступной для человека манеры боя детей драконов и отсутствие опыта сражений, в которых используются сила и мощь огнестрельных орудий.

Все закончилось очень быстро и без потерь для местных, но это был провал. Провал всего задания, порученного Сильмаре и ее отряду. А тут еще эти русичи. Сразу после боя ветер слегка изменил направление, и Сильмара явственно ощутила привкус тех, кто выслеживал Крагха. Видимо, и сейчас они затаились где-то недалеко.

Вступать в бой с русичами было опасно и совсем не входило в планы Сильмары, поэтому пришлось быстро уходить и скрыться в лесу, направляясь обратно в болота.

И сейчас отряд Сильмары понуро брел по лесу с чувством невыполненного долга.

Почва под ногами постепенно становилась все мягче и водянистей, начинались болотные топи, места, куда человеку было не пройти. Высокий лес сменился низкорослыми деревцами, многие из которых были давно мертвы.

Отряд Сильмары остановился. Дальше без облегчающего заклинания детям драконов пришлось бы потерять много времени для преодоления болот, а простой смертный остался бы в этих топях навсегда.

Сильмара надавила двумя ладонями на водянистый болотный мох, пока не образовалась лужица; в ней предводительница умыла руки и, уловив силу воды, сплела из ее нитей заклинание облегчения. Теперь каждый воин ее отряда мог спокойно идти по болоту, так как вес каждого стал в десять раз легче.

Когда отряд Сильмары подошел к водяным вратам, как раз заканчивалось заклинание облегчения, но его больше и не требовалось. Дети драконов вслед за предводительницей один

за другим нырнули в зеркальную гладь воды и устремились по водным туннелям в свои подземелья.

Ни один человек не смог бы так долго обходиться без воздуха, но дети драконов людьми не были. Поэтому примерно через две четверти часа все воины спокойно вынырнули в родных подземных пещерах.

На выходе из водных туннелей, как всегда, стояла стража каменных воинов. Признав своих, стража расступилась перед отрядом Сильмары, чтобы вновь сомкнуть свои каменные ряды. Крагх шел последним, зная, что подвел предводительницу и загубил все дело, он чувствовал на себе всю вину, хотя знал, что ответит за все Сильмара. Но от этого на душе было еще пакостней, что было совершенно не характерно для представителя племени детей драконов. Сильмара отпустила отряд на отдых, а сама направилась в зал совета. Все сестры уже были на месте и ждали ее.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание, Сильмара? – спросила одна из сестер оставившуюся в центре зала Сильмару.

Сильмара не спешила с ответом. Она молча обвела взглядом совет сестер и остановила взор на владычице, трон которой возвышался над советом. Владычица была спокойна, в ней не чувствовалось ни гнева, ни злобы на Сильмару, а только легкое любопытство. Владычица словно наблюдала за муравьем, которого засыпали горстью песка и было интересно, как быстро он выберется, чтобы быть засыпанным снова.

Такое состояние владычицы было самым опасным. Это могло означать только одно: все уже решено и совет просто хочет соблюсти формальности, по которым положено выслушать виновного.

– Сильмара, мы собрались здесь, чтобы выслушать тебя, а не лицезреть твое молчание, – с некоторыми нотками раздражения продолжала одна из сестер совета после затянувшейся паузы.

Но Сильмара по-прежнему продолжала молчать. Она слегка склонила голову набок, и с интересом рассматривала совет и владычицу, словно ей выпала редкая возможность взглянуть на них, хотя на самом деле она лично знала каждую и часто присутствовала на собраниях совета. Еще бы, ведь она являлась первой кандидаткой на вхождение в совет сестер!

Но затягивать с молчанием не стоило; даже учитывая, что решение уже наверняка принято советом, усугублять положение было себе дороже.

– Мы не выполнили задание... Точнее, я не выполнила, – спокойно произнесла Сильмара после небольшой паузы.

Сестры совета переглянулись с негодованием и возмущением. Если бы не присутствие владычицы, многие не стали бы сдерживать свой гнев. Всех сестер возмутило и даже разозлило спокойствие Сильмары, с которым она произнесла последнюю фразу. В голосе Сильмары не было и намека на раскаяние.

Тем временем владычица сделала знак остальным успокоиться и решила сама вести допрос.

– Не надо нам сообщать то, что мы знаем и так. – медленно заговорила владычица. – Объясни нам, как ты, еще вчера будучи кандидаткой на вступление в наш совет, сегодня так опозорилась? Как ты могла допустить, чтобы Крагх выдал себя вновь призванным?

– Осмелюсь напомнить, что Крагх слишком молод для участия в подобных делах, а также прошу не забывать, что именно совет настоял на присутствии Крагха в моем отряде, – ответила Сильмара.

– Ты знаешь пророчество оракула не хуже нас! Крагх последний из рожденных!.. – не выдержала одна из сестер. – Да, ты не хотела его брать с самого начала, но как же тогда сбудется пророчество? Или ты и предсказания оракула ставишь под сомнение?!

Сильмара не стала отвечать на выпад, а продолжила свою речь так, словно общалась с одной владычицей, игнорируя совет сестер.

– Крагх удалился слишком далеко, я не могла его контролировать, а когда смогла, он уже допустил ошибку. Возможно, все еще можно было исправить, но там были русичи. Русские витязи шли по следам Крагха, а я с отрядом замыкала эту цепочку преследования...

– Крагх знал, что за ним следят? – перебила Сильмару владычица.

– Да, я дала ему знать, но главным было само задание, поэтому было принято решение не обращать до поры на русичей внимания, – ответила Сильмара.

По рядам сестер совета пронесся неодобрительный шепот, но встревать в разговор Сильмары и владычицы больше никто не решился.

– Когда Крагх обнаружил себя, – продолжала Сильмара, – и, видимо, сильно напугал вновь призванных, я решила нести слово...

– Где в это время были русичи? – снова перебила Сильмару владычица.

– Где-то прятались, скорее всего за магическим покрывалом, – ответила Сильмара. – Но я ясно почувствовала их присутствие только после стычки с вновь призванными рыцарями.

Владычица молча дослушивала рассказ Сильмары, иногда монотонно кивая, но больше не перебивая и не задавая вопросов.

Когда Сильмара закончила, поведав до конца всю историю, включая недолгую стычку, владычица поднялась со своего трона и произнесла привычную и обязательную в таких случаях фразу:

– Совет сестер вынесет свое решение после совещания. Всем участникам ожидать на своих местах!

Ожидать пришлось одной Сильмаре, потому что других участников не было вовсе. Но таков был обычай подобных мероприятий, а правила в зале совета сестер соблюдались неукоснительно.

Владычица села обратно на свой трон и положила ладони на специальные шарообразные выступы, находящиеся по бокам от трона. Остальные сестры совета проделали то же самое, после чего все закрыли глаза, и в зале совета наступила тишина ожидания.

Сильмара знала, что эти кресла с шарообразными выступами были когда-то подарены Колдуном и являлись частью своеобразной дани, которую Колдун заплатил за мирный договор с детьми драконов. Кресла колдуна преобразовывали магические нити сестер таким образом, что они могли вести одновременную бессловесную беседу. В обычной обстановке женщинам детей драконов была дана сила на мысленную связь лишь с мужчинами их племени, но не друг с дружкой.

Ожидание всегда томительно, а когда в твоём присутствии обсуждают твою дальнейшую судьбу, но ты не слышишь обсуждения, томительно вдвойне.

Сильмара, однако, сохраняла свое обычное хладнокровное спокойствие. А вот совещание явно затягивалось, и Сильмара сначала начала скучать, а потом и волноваться. Видимо, совет сестер никак не мог прийти к единому мнению о ее дальнейшей судьбе.

Но в конце концов ожидание закончилось. Владычица и сестры открыли глаза, убрали ладони с шарообразных выступов по бокам кресел, а Сильмара приготовилась выслушать принятое решение.

Владычица снова поднялась со своего трона и почти торжественно начала оглашение решения, принятого советом сестер.

– Предводительница Сильмара за невыполнение задания, порученного ей советом сестер, а также за недолжное отношение к предсказанию оракула и, тем самым, подвергающее опасности вымирания все племя детей драконов, приговаривается к следующим наказаниям:

Первое. Предводительницу Сильмару исключить из кандидаток на вступление в совет сестер на неоговоренный срок, то есть бессрочно.

Второе. Предводительница Сильмара назначается послом в замок Каэр Морт для урегулирования вопросов с Некромантом. Детали дипломатической миссии посла будут оговорены дополнительно.

Владычица, огласив решение совета, снова села на свое место. Официальная часть была закончена.

Приговор, объявленный Сильмаре, был настолько суров, что, выслушав его, Сильмара слегка отшатнулась назад, поняв, что ее не просто списали, а, буквально, приговорили к смерти. Любой здравомыслящий человек и нечеловек прекрасно знал, что идти в Каэр Морт под любым предлогом было равносильно самоубийству.

– И в чем же будет заключаться моя миссия как посла? – с некоторой издевкой спросила Сильмара.

– Не стоит так реагировать на приговор, Сильмара, ты не хуже нас знаешь наши законы, – отвечала одна из сестер совета.

– К тому же информация, с которой ты пойдешь к Некроманту, будет ему очень полезна. Главное, успеть ему об этом сообщить, – продолжала другая сестра совета.

Сильмара смотрела на говоривших. В последней фразе была заключена вся суть: «Главное, успеть ему об этом сообщить»! Вот только очень интересно как! Пройти сквозь толпы живых мертвецов и всякой другой нечести, чтобы что-то сообщить Некроманту, еще никому не удавалось.

– О чем твои мысли, Сильмара? – вдруг с неожиданной заботой спросила владычица. – Ты, верно, думаешь, что мы решили просто избавиться от тебя как от инакомыслящей?

– А разве это не так? – спросила в свою очередь Сильмара.

– Нет, – спокойно отвечала владычица. – Не забывай, что еще вчера ты была в шаге от вступления в наш совет, но твоя последняя миссия... Да, ты действительно пренебрегаешь оракулом и явно показываешь свое пренебрежение его предсказаниями. Мы все это знаем. Знаем мы и то, что у тебя есть на это весьма веские причины. Но и ты знаешь, что в наш совет берут наиболее сильных и достойных и нет более крепких связей, чем между сестрами совета! Ты почти стала одной из нас, почти стала нам родной! Разве можем мы обрекать тебя на гибель?

Сильмара слушала речь владычицы, пытаясь уловить, насколько та честна и откровенна. Все попытки Сильмары услышать подвох в словах говорившей успехом не увенчались. Очень походило на то, что владычица говорила от чистого сердца и не кривя душой.

– Но теперь я обычная предводительница племени. Таких, как я, сотни тысяч! А значит моя судьба интересна совету сестер не более, чем судьба любой другой! – заявила Сильмара.

– Это неправда. Ты – сильнейшая из всех. А то, что мы исключили тебя из кандидатов, не сделало тебя слабее. Твои способности управлять нитями все так же велики. Большинство из нас не могло похвастаться такими же данными до вступления в совет! – сказала одна из сестер совета.

– К тому же, – продолжала другая сестра, – учитывая, что нас, сестер, осталось всего десять, рисковать никем из нас нельзя, ты это знаешь...

– Очень удобно, – перебила Сильмара, – а мной, значит, можно рискнуть, от этого никому хуже не будет?

– Прекрати! – возмутилась владычица. – Не заставляй нас принять решение об изгнании!

Сильмара замолчала. Похоже, она и впрямь начала перегибать палку. А позора изгнания еще никто не выдерживал. Успокоив свою взрывную натуру, она перешла ближе к делу.

– Хорошо, решение совета – это закон для любого из племени детей драконов. Я готова выполнить миссию посла.

Глава 4. Томительное ожидание

Уже третий день братья во Христе и рыцари богородицы пребывали в лагере русичей. Лагерь, правда, скорее походил на большое поселение или даже небольшой город, обнесенный деревянным частоколом, с домами и теремами внутри. Интересной особенностью лагеря было то, что дозорные деревянные башни находились не только по периметру вдоль забора, а и внутри, прямо посреди улиц. Зачем это было нужно, никто из рыцарей не понимал, но складывалось ощущение, что для наблюдения за самим городком.

Жили рыцари в небольшой избе, по соседству с которой были еще две такие же, но в них никто не жил. Все три избы были обнесены общим забором. У калитки, снаружи забора, всегда дежурили двое русичей в полном боевом снаряжении. Выходить за забор рыцарям запрещалось.

Внутри изба, куда поселили рыцарей, состояла из одного помещения. Три стены из четырех были оборудованы двухэтажными кроватями, а посередине стоял прямоугольный стол с шестью стульями. То есть хотя рыцарей было четверо, но все было оборудовано для проживания шестерых человек.

В первый же день, когда рыцарей привели в лагерь, их обследовал местный знахарь, который все время причитал и сожалел, что нет больше с ними девок, они, мол, в два раза быстрее раненых на ноги поднимали. Но несмотря на причитания, знахарь свое дело знал. Что-то пошептал возле Генриха и Ульвэ, положив им на головы руки, и от мучившей обоих головной боли и тошноты ничего не осталось.

А вот с Михасом и Трувором лекарь возился намного дольше. Но в конце концов, подивившись живучести Трувора, в которого угодило пушечное ядро, изрек, что пока ничего не ясно, надо ждать. Михаса же уверил, что скоро хребет срастется и он будет бегать как раньше.

Знахарь навещал воинов два раза в день, утром и вечером. Михаса поил какими-то пахучими отварами, а Трувора натирал мазью, все время что-то нашептывая.

Кроме знахаря три раза в день рыцарей навещал следопыт Прошка, который приносил им еду и все время пытался шутить и разговорить рыцарей. Но последние почти не шли на контакт, предпочитая отмалчиваться, и лишь интересовались, когда их примет местный воевода.

Настроению рыцарей удивляться не стоило. Как ни крути, а чувствовали они себя именно пленниками, а не гостями, третьи сутки томительного ожидания давали о себе знать. Прохора вообще воспринимали как надзирателя, лишь к знахарю относились с невольным уважением.

Вот и сейчас угрюмый Ульвэ сидел за столом, нервно барабанил пальцами по его деревянной поверхности.

– Ну что, Генрих, как думаешь, долго нас еще русские откармливать будут?

Генрих, никогда не отличавшийся болтливостью, и сейчас ответил не сразу.

– Подождем, а там видно будет.

– Ну да, конечно, куда уж виднее... – проворчал недовольный вечной неразговорчивостью Генриха Ульвэ. – Я вон смотрю, и Михас не особо беспокоится, знай молится своей богородице, да ждет когда хребет зарастет, даром что подняться пока не может.

Ворчаний Ульвэ ушедший в себя Михас не слышал. И хотя действительно был человеком очень верующим, но сейчас он не был увлечен молитвой, а вспоминал, как братья тевтонского ордена принимали его в свои ряды.

Михас был чистокровным немцем и членом старого дворянского рода, что и позволило ему быть принятым в орден рыцарей богородицы. Михас заранее знал, что быть членом ордена означало лишить себя многих жизненных удовольствий, но ради веры в Христа, который принял мучения за все грехи человеческие, Михас был готов и на большее.

При вступлении в братство одетые в черные туники и белые плащи с черными крестами на левых плечах братья встретили Михаса следующими суровыми словами: «Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у нас спокойно и весело; наш устав – когда хочешь есть, то должен поститься, когда хочешь поститься, тогда должен есть; когда хочешь идти спать, должен бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, должен идти спать. Для ордена ты должен отречься от отца, от матери, от брата и сестры, и в награду за это орден даст тебе хлеб, воду да рубище».

Устав ордена был строгий: рыцари жили вместе, спали на твердых ложах, ели скудную пищу за общею трапезой, не могли без позволения начальников выходить из дому, писать и получать письма, не смели ничего держать под замком, чтоб не иметь и мысли об отдельной собственности, не смели разговаривать с женщиной.

Михас терпел все тяготы и лишения ордена, твердо веря, что все это необходимо для очищения души и тела. Как и другие братья, он кроме обыкновенных монашеских обетов был обязан ходить за больными и биться с врагами веры. И Михас бился, бился бесстрашно и беспощадно, твердо веря, что трупами врагов веры вымощена дорога в рай. Личной ненависти или неприязни к врагам никогда не испытывал, просто делал богоугодное дело.

Вот и к русичам Михас относился просто как к заблудшим овцам, неправильно истолковывающим каноны веры и требующим правильного пастыря...

– Михас! Черт тебя дерит! Ты что, не слышишь, что я с тобой разговариваю?! – донесся до Михаса недовольный окрик Ульвэ.

Лежащий на ложе Михас приоткрыл веки и повернул голову в сторону Ульвэ.

– Извини, Ульвэ, я просто ушел в себя.

– Ушел в себя? А я вот начинаю из себя выходить! Эти лапотники держат нас здесь, а их воевода все не соизволит нас принять! Только и видим, что затылки караульных да морды следопыта с лекарем!

– Перестань, Ульвэ, мы же не послы, чтобы нас принимать. Лекарь их свое дело знает, с каждым днем движения доставляют мне все меньше боли, может, с божьей помощью, и Трувор из забытья выйдет. А Прохор, что еду нам приносит, просто любопытный малый, – спокойно ответил Михас.

– Мне бы твое спокойствие! – не унимался Ульвэ. – Если бы не ваше с Трувором положение...

– Прекрати! – оборвал говорившего Михас. – Вот из-за того, что братья вашего ордена прославились своей несдержанностью и несоблюдением обетов ордена, вас так долго и не хотели с нами объединять! Может, верно считали, что ваше вступление в наш орден подрывает авторитет тевтонцев?

В ответ Ульвэ лишь ударил кулаком по столу. Он прекрасно понимал, что из-за личной ненависти к русским витязям затекает глупую ссору со своими братьями, но три дня бездействия в плену врага заставляли закипать его кровь.

– Чего шумите, славные воины? – раздался на пороге голос вошедшего следопыта Прошки. – Али так проголодались, что урчащие животы к раздору тянут?

Говорившие рыцари тут же умолкли. Прохор прекрасно понимал, что для них он что-то вроде надзирателя, но несмотря на это, продолжал вести себя так, словно был их давним товарищем.

– Ну ничего, – продолжил, улыбаясь, следопыт, – пустые животы – это дело поправимое. Я вот вам харчей принес, отведайте, не побрезгуйте! Как всегда, все с пылу с жару!

С этими словами Прохор подошел к столу и поставил на него большой, вкусно пахнущий чан, а рядом положил свежий каравай ароматного хлеба. Только теперь рыцари заметили, что сегодня поклажа Прошки была в два раза больше, чем обычно, а возле порога стоит еще один чан.

– Скажи нам, русич, а чего это ты еды сегодня в два раза больше принес? Мы тут у вас без дела третий день маемся, как псы в будке и за оградой, аппетиту что-то не нагуляли на двойные порции, – спросил, не скрывая неприязни, Ульвэ.

– Так вторая порция не вам предназначена. Домики рядом с вашим видели? Так вот, должны соседи сегодня к вам пожаловать, еще одно новоселье у нас. Только вы уж не сердчайте особо, но общаться вам с ними пока не полагается, потому теперь вам из вашей избы выходить нельзя, так что теперь караульные еще и возле вашего крылечка дежурить будут. Но это все только вам на пользу, славные рыцари, вы уж не сердчайте.

Проход едва успел договорить, как вскочивший из-за стола Ульвэ сгреб его за грудки и, приподняв над полом, больно ударил спиной и затылком о деревянную стену избы.

– Ты тут можешь, мерзкий щенок, сколько угодно заливаться соловьем, – шипел сквозь зубы обозленный Ульвэ, – но до каких пор нас еще будут здесь держать? Зачем мы вам? А теперь еще и во двор нельзя выйти? Когда нас воевода примет?!

– Ой, отпусти, мил человек, пока дух из меня весь не вытряс! – жалобно завопил Прошка. – Да почему мне знать? Мое дело маленькое – покушать вам принести, а что, когда да зачем – мне не ведомо!

– Евпатий где? – не унимался Ульвэ. – Почему он не приходит? Он нам встречу с воеводой обещал. Говорил, что тот как дорогих гостей нас примет!

– Так Евпатий мне о своих планах не докладывает! Он начальник, ему видней! – продолжал оправдываться Прошка.

В это время стоявший возле окна Генрих подошел к Ульвэ и кивком головы указал на ведущее во двор окно. Ульвэ отпустил Прохора, подошел к окну и увидел, как сквозь калитку входят несколько дружинников, а с ними пятеро необычно одетых воинов.

– Ну вот, что я вам говорил? – бодро, как ни в чем не бывало, проговорил Проход. – Вот и соседи ваши пожаловали.

На слова Прошки, как и на него самого, ни Генрих, ни Ульвэ никак не отреагировали. Они внимательно наблюдали, как их новых, весьма необычных соседей ведут через двор к соседней избе.

Люди, шедшие через двор с дружинниками, были одеты в пятнистые штаны и пятнистые куртки. Общий фон одежды был зеленого цвета с пятнами более светлых и темных оттенков. Обуты новые соседи рыцарей были в высокие шнурованные ботинки черного цвета. Из доспехов на каждом имелся сомнительного вида панцирь, прикрывавший грудь и спину, а шлемы на головах были и вовсе никчемные, защищали только верхнюю часть головы, оставляя совершенно открытыми шею лицо и челюсть. Оружия у новых соседей не было видно, если, конечно, не считать оружием небольшие ножи за поясом.

Пока рыцари наблюдали в окно за происходящим во дворе, Проход направился к выходу.

– Счастливо оставаться и приятного аппетита. Не ссорьтесь больше, а мне пора, – произнес на пороге выходящий Проход и сразу прикрыл за собой дверь.

Как и было обещано, у крыльца дома рыцарей теперь дополнительно дежурили два дружинника. Такое же число дружинников было выставлено и возле дома, где поселили странных соседей рыцарей.

Покинув рыцарей, Проход передал караульным еду для новых соседей, а сам сразу направился к Евпатию. Впрочем, последний сам уже ждал Прохора, которого встретил недалеко от калитки.

– Ну, что, Прошка, судя по твоему виду, результаты прежние? – спросил Евпатий.

Надо сказать, что Проход был не просто обычным следопытом. Он не только умел хорошо ориентироваться в лесу и различать любой след. Проход вообще был очень наблюдательный и умел замечать то, чего другие не видели. Обращать внимание на каждую мелочь давно вошло у Прохора в привычку. Именно поэтому ему, а не кому другому, под видом разносчика пищи

было поручено наблюдение за рыцарями. Ведь даже когда разъяренный Ульвэ сгрел Прохора за грудки, Прохор не переставал вести наблюдение и анализировать. Это было совсем не сложно, главное – изобразить испуг и, вытаращив глаза смотреть, на угрожающего, а самому при этом видеть, слышать и чувствовать все, что происходит вокруг.

Один из наставников в их лагере, которого все называли мастер Кешка, владел действительно уникальными знаниями и особенно хвалил Прохора за его дар. Прохор прекрасно усваивал уроки «мастера хитрости», как еще называли Кешку.

Мастер любил демонстрировать часть своей науки, сажая учеников на скамейку, а в нескольких метрах втыкая в землю копьё.

– Смотрите внимательно на это копьё, сейчас вы видите его очень хорошо. А теперь, не отрывая взгляда от копья, надо увидеть все, что находится вокруг, но надо обязательно продолжать смотреть только на копьё! Итак, вы видите зеленую траву, небо и облака вдали, ограду, меня, собственные ноги и лежащие на них руки и еще очень многое, хотя смотрите только на копьё! Так происходит всегда: когда вам кажется, что вы смотрите только на что-то одно, вы видите и многое другое, но не воспринимаете то, что видите. Просто сейчас я вам помог это сделать, а вы должны научиться это делать сами. Надо уметь освободить свой разум от узости зрительного восприятия.

Теперь закройте глаза. Сейчас вы были сосредоточены на тренировке зрения, но ведь есть еще слух! Вы отключили зрение, чтобы лучше сосредоточиться на слухе. Послушайте все, что доносится до ваших ушей. А ведь это не только мой голос, на котором вы были сосредоточены. Теперь рассейте свое внимание: вы можете услышать пение птиц, шум ветра в кронах деревьев, кто-то прошел мимо ограды, где-то вдалеке залаяла собака, даже собственное дыхание и дыхание товарищей доносится до ваших ушей... Вы всегда слышите много, но надо научиться это многое воспринимать.

А теперь отвлекитесь от слуха и обратитесь к чувственному восприятию. Для начала почувствуйте вес собственного тела, давящего на табурет, тяжесть лежащих на коленях рук, прикосновение к телу одежды и обуви, амулет на груди и браслет на руке, дуновение ветра... Видите, как много вы чувствуете и не обращаете на это внимания...

Очень хорошо, откройте глаза. Как вы поняли, чтобы видеть, слышать и чувствовать, надо не так уж и много – уметь раскрыть свои чувства. А если вы еще и научитесь раскрывать их вместе, а не по отдельности, то будете видеть невидимое, слышать неслышимое, чувствовать неосознаваемое.

Так учил мастер Кешка.

Прохор отлично усвоил уроки мастера, только вот с рыцарями ему ничего добиться не удалось. Как ни старался Прохор включить все свои чувства, как ни наблюдал – ничего необычного не было. Вывод был только один – рыцари и сами пока не знают своей силы. Об этом Прошка и доложил Евпатию.

– Прав ты, Евпатий, нет пока результатов. Проверить их, думаю, надобно, лучше по одному. Сам знаешь, направление магических нитей не сразу дается...

– Знаю, – задумчиво ответил Евпатий. – Значит, считаешь, что лучше по одному?

– Да ты сам видел, когда они с местными сошлись, явно ничего не сплетали, а опасность была смертельная. Не умеет просто тот, у кого артефакт, им пользоваться.

– Ладно, спасибо тебе, Прохор, пойду-ка я с воеводой на эту тему потолкую. Похоже, и правда пора размять наших рыцарей, а то совсем засиделись.

Договорив, Евпатий по-отечески хлопнул Прохора по плечу и направился к воеводе.

Терем воеводы был самым просторным и высоким строением в лагере русичей. Это было сделано совсем не для того, чтобы выделяться и показывать свой статус, нет. Просто в тереме воеводы часто собирались старшие отрядов для принятия общих решений по тем или иным

вопросам. Старшин было немало, вот и пришлось отстроить для воеводы светлый и просторный терем.

Сам воевода уже ожидал вошедшего по-свойски Евпатия, и они без предисловий сразу перешли к делу.

– Прохор так и не смог определить, кто из рыцарей владеет силой, приведшей их в этот мир, – начал Евпатий. – Такое впечатление, что рыцари и сами этого не знают, от Прошкиного глаза мало кому утаиться удавалось.

– Может, артефакт находился у их убитого товарища? – спросил воевода.

– Исключено, я лично обследовал убитого и его вещи, перед тем как предать все огню. Колебания нитей кристалла я бы не упустил, – уверенно ответил Евпатий.

– Значит, выходит, что он у кого-то из оставшихся, но у кого – непонятно...

Воевода ненадолго задумался, а затем продолжил:

– Изъять у них все вещи, чтобы обследовать, мы не можем, ведь они на правах гостей. И воины они настоящие, такие бы нам оченьгодились, хоть и не русичи... Остается наша обычная проверка болотным великаном?

– Думаю, да, – отвечал Евпатий. – Я пойду с одним из них. Начать, думаю, надо с Ульвэ. Именно этот рыцарь командовал остальными, когда они сошлись с местными, возможно, артефакт именно у него.

– Ну что ж, так и сделаем. Сколько человек планируешь взять с собой на проверку?

– Я планирую пойти один.

Воевода удивленно и внимательно посмотрел на Евпатия.

– Насколько я понимаю, рыцари, а тот, кого ты собираешься взять на проверку, особенно, настроены не оченьто, мягко говоря, дружелюбно.

– Я уверен, что если возьму с собой отряд, пусть даже небольшой, то рыцарь вполне может воспринять это как конвой. Уверен, это будет лишним.

– Ты-то уверен! А вот я уверен, что второго Евпатия у нас нет! Кто знает, что там у этого Ульвэ на уме? А если задумает чего, оставшись с тобой один на один? Хорошо, если просто сбежит! – горячо проговорил воевода.

– Сам знаешь, что не сбежит, – леший закружит. А вот если пойдем с отрядом, может замкнуться, и кристалл себя не проявит.

Евпатий замолчал в ожидании решения воеводы. Ведь все равно будет так, как решит воевода, но свое мнение Евпатий высказал.

– Ох, Евпатий, – тяжело вздохнул воевода, – любишь ты с огнем поиграть!

– Так на том и держись! – заулыбался в ответ Евпатий.

– Хорошо, сделаем так... Ты отряд новеньких от Чародея видел?

– Нет еще, – пожал плечами Евпатий.

– Ну значит, заодно и познакомитесь! – решительно заявил воевода. – Возьмешь с собой их старшего, его все равно тоже проверить надо. С артефактом там вопросов нет, причем он весьма интересен, удачу приносит. Глядишь, и вам принесет.

Евпатий нахмурился. Насколько он знал, отряд новеньких был из совсем непригодного времени. Одно дело идти на болото с настоящим воином и рыцарем, совсем другое – быть в роли няньки. Но видно было, что решение воеводы окончательное, а значит, придется смириться. Ох, воевода! Как всегда, умен и хитер! Вроде как и Евпатию навстречу пошел, но и свои условия тоже сохранил. Понятно, что новенькие от Чародея люди преданные и верные, а значит, командир их вроде как Евпатию в помощь будет. Только как бы эта помощь обузой не вышла.

– Ты воевода, тебе видней. Раз надо, значит возьму еще с собой старшего новеньких. Пусть раскроет действие своего артефакта, – смирившись, проговорил Евпатий.

– Ну вот и славно! – радостно ответил воевода. – Завтра с утра и ступайте.

Глава 5. Идущая на смерть

Как обычно, проплыв по водяным тоннелям, Сильмара вынырнула в непроходимых болотах и, сплетя заклинание облегчения, не спеша направилась в сторону замка Некроманта.

Совет сестер уговаривал ее взять с собой любое возможное количество воинов, но Сильмара отказалась. Какой смысл был обрекать на смерть кроме себя самой еще и других детей драконов? Желание сестер и владычицы вполне понятно, ведь любой из детей драконов пожертвует собой, чтобы спасти предводительницу, а значит, у Сильмары будет больше шансов добраться в Каэр Морт с посланием. Но пока еще в Каэр Морт если кто и добирался, то вернувшихся оттуда никто никогда не видел... их просто не было.

Знакомые с детства болотные трясины и топи, которых уже не суждено будет увидеть вновь, были оставлены за спиной. Дальше путь пролегал через лес, в обход болотного замка с обитающими в нем амазонками.

До выхода на лесную опушку было еще достаточно далеко, как Сильмара почувствовала в воздухе явный привкус человеческой плоти. Вместе с этим до ее раздвоенного языка донесся вкус лошадиного пота и дым костра. Впереди явно были люди, встреча с которыми совершенно в планы Сильмары не входила. Добраться до замка Некроманта желательно было без приключений.

Но прислушавшись к собственным вкусовым ощущениям, Сильмара вдруг четко осознала, что люди впереди служат именно Некроманту! Самураи – кажется так называли себя эти излюбленные среди живых воины Некроманта. Воины, главным жизненным кредо которых было достойно умереть и фанатично служить своему господину. Именно стремление к смерти и преданность граничащая с фанатизмом, так нравились их хозяину. Мало кто из живых мог похвастать тем же самым. Как правило, все живые воины наоборот, старались сохранить жизнь любой ценой, а это часто порождало трусость. Философия же самурая заключалась в том, что он каждую минуту был готов умереть. А высшей честью для самурая было умереть за своего господина. Господином самураев в этих землях был Некромант.

Но местные земли были под негласной властью Чародея! Что отряд самураев мог делать в землях врага?

Сильмара остановилась в нерешительности. С одной стороны, попасть к Некроманту вместе с самураями было очень неплохим шансом донести послание владычицы и совета сестер. А с другой – если бы Сильмара встретила данный отряд в нейтральных землях или во владениях Некроманта, то сомнений бы не было. Но отряд Некроманта в лесах Чародея... Этот факт никак не укладывался в голове Сильмары.

Сильмара решила подобраться поближе.

Отряд самураев, совершенно не таясь, словно на пикнике, расположился в лесной чащобе. Воины, кто полулежа, кто сидя, грелись вокруг костра, а рядом были привязаны их небольшие приземистые лошадки. Никаких признаков часового или дозорного Сильмара не обнаружила, что еще сильнее усилило ее озадаченность. Еще немного поколебавшись, она тщательно осмотрелась, несколько раз попробовала языком воздух и уже было решила нести слово, как ясно почувствовала, что за ней кто-то следит. Но вычислить кто, как тщательно и осторожно ни осматривалась Сильмара и ни пробовала воздух на вкус, она не смогла. Решив, что это наверняка кто-то из отряда самураев, возможно, скрытый часовой, Сильмара не стала больше колебаться и, выпрямившись во весь рост, без утайки, подняв высоко вверх левую ладонь, зашагала к отдыхавшим воинам.

За этим всем, укрывшись за деревьями, наблюдал Крагх. Это его присутствие почувствовала в последний момент Сильмара. Но дети драконов, особенно родственники, имеют практически идентичный вкус, поэтому им трудно почувствовать друг друга.

Крагх следил за Сильмарой с того самого момента как та покинула совет сестер и владычицу, где была приговорена к участи посла в замок Каэр Морт. Не успела тогда Сильмара покинуть зал совета, как Крагх незамедлительно присоединился к ней магическими нитями, и ему тут же стало известно все произошедшее на совете. Бросить в беде сестру он не мог. Тем более что рыцари в лесу были упущены именно из-за него. А когда Крагх узнал о принятом Сильмарой решении в одиночку идти к Некроманту, выбор был сделан. Крагх решил тайно сопровождать сестру. Сделать это с его способностями было несложно.

Проплыв незаметной тенью за сестрой по водяным тоннелям, Крагх присоединился к сплетенным сестрой нитям облегчения и скрытно шел за ней по болотам, а потом и через лес.

Сейчас Крагх смотрел на расположившихся возле костра воинов и идущую к ним Сильмару.

– Несу слово! – громко произнесла Сильмара и остановилась в десятке метров от ближайшего к ней воина.

Самураи быстро поднялись и с нескрываемым удивлением уставились на драконоголовую самку. В затянувшейся паузе было видно, как напряжена Сильмара, в любой момент готовая к нападению. Невольно напрягся и затаившийся Крагх.

– Твое слово принято! – подняв правую руку вверх, наконец проговорил один из самураев, судя по всему, глава отряда.

Крагх и Сильмара, независимо друг от друга, выдохнули с явным облегчением. А вот на лицах самураев было написано нескрываемое удивление и настороженность, словно они у себя дома обнаружили под столом незваного гостя.

– Являетесь ли ты и твой отряд, – обратилась Сильмара к тому, что принял ее слово, – слугами Некроманта?

– Это так, – отвечал самурай. – Но какое тебе до этого дело? И почему ты несешь слово, скрывая свой отряд? Что ты задумала?

– В моих намерениях нет никакого коварного плана, воин. Я послана своей владычицей в замок Каэр Морт с посланием! – ответила Сильмара.

Самурай после ее слов склонил голову набок и, сверля Сильмару своими раскосыми глазками, с издевкой захохотал.

– Не говори ерунды, местная! Всем в этих землях известно, что Некромант живыми послов не отпускает, поэтому со времен последней великой войны магов желающих нанести ему визит нет! Также все знают, что местные вдаль от своих болот и подземелий в одиночку не показываются! – с вызовом произнес глава самураев.

– Ты можешь не верить мне, а просто убедиться, что я действительно одна! И одна я именно по той причине, что не готова кого бы то ни было еще из своих сородичей отдать в лапы Некроманту. Можешь ли ты со своими людьми сопроводить меня к моему хозяину? Можешь не сомневаться, информация, которую я сообщу хозяину замка Каэр Морт, будет ему очень полезна, а значит, ты скорее всего получишь за меня хорошее вознаграждение!

Командир самураев задумался над словами Сильмары.

– Хорошо, твое слово было услышано, а теперь нам надо посоветоваться. Жди! – ответил глава самураев, давая понять, что действие слова закончено.

Сильмара и затаившийся Крагх снова напряглись. Теперь в любую секунду можно было ожидать атаки самураев.

Тем временем командира самураев плотным кольцом обступили его воины. На самом деле главе воинов Некроманта совещаться со своими воинами не было никакой необходимости. Решение принимал только он, а воины всегда его исполняли. Даже если бы вдруг потребовалось разбежаться и броситься со скалы, любой самурай сделал бы это безоговорочно, да еще и заслужил посмертные почести и уважение товарищей.

Главе самураев просто нужно было время, чтобы проверить с помощью своего артефакта, насколько честна была с ними драконоголовая. Скрытый от посторонних глаз плотным кольцом своих воинов, командир достал свой боевой веер, полностью состоящий из металлических пластин, и сосредоточился на улавливании магических нитей. Все его воины затихли в ожидании.

– Она обманула нас! – заговорил через небольшую паузу командир. – Я ясно ощутил присутствие как минимум еще одного члена ее отряда. Возможно, остальные просто держатся дальше или специально от нее отсоединились! Будьте внимательны, у них могут быть орудия!

Наблюдавший из своего укрытия за происходящим Крагх четко услышал, что командир самураев говорит со своими воинами на их родном языке. Это могло означать только одно, самураи что-то замышляют и отказались от разговора на всеобщем, чтобы их не поняли.

– Йой! – раздался тем временем громкий гортанный крик командира самураев.

Все его воины тут же рассыпались в стороны и, обнажив мечи, укрылись за деревьями.

Только командир остался стоять на своем месте. Весь покрытый пластинчатыми доспехами, с характерным рогатым шлемом на голове, он, сжимая в левой руке сложенный боевой веер, а правой взявшись за рукоять меча, шагнул навстречу Сильмаре и заговорил с ней уже на всеобщем.

– Я, Мацумура Генджи, – буквально выкрикивая каждое слово начал самурай, – бывший вассал тайко Тоетоми Хидееси, а ныне верноподданный величайшего из магов, Некроманта, вызываю тебя, предводительницу драконоголовых, на поединок!

С этими словами глава самураев опустил на лицо страшную железную маску оскалившегося демона и извлек из ножен свой самурайский меч. Командир был очень горд собой и доволен. Теперь, когда он назвал врагу свое имя и имена тех, кому он служил и служит, самурай мог с честью умереть. Это будет хорошая карма!

– Наму Амида Буцу! – взревел воин с боевым веером и обнаженным мечом, после чего бросился на Сильмару.

Сильмара быстро сплела заклинание упругой кожи, к которому тут же присоединился Крагх, и, коротко взмахнув железной пятихвостовой плетью с металлическими шарами на концах, обрушила мощный удар навстречу бегущему воину.

Казалось, бегущий воин был обречен, но вопреки всем законам инерции он не только успел остановиться, но даже сделал легкое движение назад, что позволило ему отклониться от стремительно летящих в него шаров. В ту же секунду самурай резко рванулся вперед и вбок, мощно ударив по запястью, сжимавшему плетью, своим боевым веером, не ожидавшую такой прыти Сильмару.

Сильнейшая боль от переломанного запястья заставила предводительницу выпустить свое оружие. Но это обстоятельство еще не решило исход поединка, хоть и дало самураю огромное преимущество. Здоровой рукой Сильмара выхватила меч-крюк и схватка продолжилась.

Генджи никогда раньше не приходилось вести поединок с местными, но уроки Некроманта не пропали даром, благодаря им Генджи точно знал слабые места драконоголовых. Сложенными вместе металлическими пластинами боевого веера самурай орудовал словно железной дубинкой, нанося сокрушительные удары по корпусу и конечностям Сильмары. А вот режущие и колющие атаки мечом предводитель самураев направлял исключительно в голову предводительницы.

Пока еще Сильмара кое-как сдерживала безумный натиск атаковавшего ее воина. Парируя удары меча она пыталась уворачиваться от мелькавшего, словно живого веера. Несколько раз предводительнице даже удалось контратаковать, но закованный в броню самурай являл собой настоящую боевую машину. Ловко уворачиваясь от зацепов меча-крюка, он сам стремительно контратаковал своим веером, когда Сильмара наносила по воину рубящие удары. Эти

удары часто достигали цели, но лишь высекали искры, проходя по касательной пластинчатым доспехам вертевшегося как юла воина.

А вот веер Генджи все чаще достигал цели. Самурай немного сменил тактику и периодически стал быстро то раскрывать, то складывать железные пластины боевого веера. Игравшие при этом на веере солнечные зайчики невольно отвлекали внимание Сильмары. Генджи этим умело пользовался и остро заточенными краями раскрытого веера наносил режущие удары в лицо и шею предводительнице.

Сильмара поняла, что умелого воина ей не одолеть. Тело в нескольких местах отдавало тупой болью от ударов железного веера, к поврежденному запястью добавились хоть и не глубокие, но обильно кровоточащие раны на голове и шее. Надо было искать путь к спасению, иначе волю владычицы и совета сестер будет уже некому выполнять.

Полностью сосредоточившись на защите, Сильмара начала отступать вглубь леса, чтобы увести командира самураев от своего отряда, тогда и сбежать будет легче, не попадешь в окружение.

Но плану Сильмары не суждено было сбыться. Как только она, казалось бы, отступила на безопасное расстояние и уже готова была спастись бегством, ей чуть ниже затылка, легко пройдя сквозь плоть, воткнулось небольшое метательное лезвие, пущенное неизвестной рукой, но попавшее точно в цель. Кровавая пелена стала застилать глаза Сильмары. Самурай в железной маске демона расплылся в красном тумане, и уже теряющей сознание, Сильмаре почудилось, что из этого тумана с диким ревом выскочил Крагх.

Появление Крагха не было для Генджи сюрпризом, ведь он точно знал, что предводительница драконоголовых не одна. А вот словно взявшийся из ниоткуда воин, так метко бросивший метательный нож, явно не ожидал, что на него с диким ревом набросится выпрыгнувший из своего убежища драконоголовый. Однако воин, чьи раскосые глаза были устремлены на ревающего, словно дракон, Крагха, совладал с собой довольно быстро. Уклонившись от двух мечей-крюков драконоголового, закутанный в темно-коричневую, почти черную ткань воин метнулся к ближайшему дереву и, словно дикая кошка, молнией вскарабкался наверх.

Крагх в бешенстве бросился к дереву пытаясь настигнуть свою жертву, но сверху в него уже летели пущенные один за другим пара метательных ножей. Блеснув в воздухе двумя серебристыми молниями, лезвия ножей устремились в горло Крагху. Но воин племени детей драконов отшатнулся назад, и острые лезвия отскочили от груди Крагха.

«Заклинание упругой кожи действует! Значит, Сильмара еще жива!» – подумал Крагх и издал душераздирающий бешеный рев.

Тем временем Генджи уже подоспел к дереву, намереваясь атаковать драконоголового.

Крагх понял, что для атаки врага, засевшего на дереве, времени уже нет. Развернувшись, Крагх отбил первый выпад самурая и переместился так, чтобы спиной к опасному дереву все время был Генджи. Крюки драконоголового замелькали в бешеном танце, несколько раз Крагху почти удалось поймать своими крюками меч самурая и вырвать его, оставив главу самураев с одним веером. Но Генджи, хоть и с трудом, удавалось сохранить свое оружие.

Увлеченный успешной атакой Крагх совсем позабыл про остальных воинов Некроманта. А вспомнил, когда было уже поздно. Упущенные из виду самурай бросили сзади по ногам драконоголового что-то тяжелое, Крагх невольно споткнулся, и на него тут же набросили сеть.

Воин драконов снова дико заревел, пытаясь разрезать путы и освободиться, но незамедлительно получил по голове удар такой силы, что потерял сознание.

– Проклятый Ивахики, я вызвал самку драконоголовых на честный поединок! Как ты, бесчестный шпион, посмел вмешаться в наш бой?! – вместо благодарности за помощь закричал Генджи на уже успевшего спуститься с дерева воина в темно-коричневом.

Шпион Ивахики, не спеша с ответом, начал методично собирать свои метательные ножи и даже не взглянул на взбешенного командира самураев.

– Вечно вы, самураи, трясетесь о своей мнимой чести. – наконец очень спокойно ответил главе самураев Ивахики. – А для воинов моего клана, так презираемого многими самураями, главное – это выполнение поставленной задачи. Моя задача – добыть нужную информацию и передать ее вам. Или ты, Генджи, предпочел бы достойную смерть, вместо того, чтобы доставить бумаги нашему повелителю?

– О чем ты говоришь? Какая смерть? Самка была уже готова сдаться!

– Самка была готова сбежать, а самец, чтобы дать ей уйти, наверняка бы тебя прикончил.

Генджи стараясь сохранить лицо и не показывая больше раздражающего его изнутри негодования, вложил свой меч в ножны и, выдерживая паузу, сосредоточился на своем боевом веере. Веер молчал. Удивительно, но, кажется, драконоголовых больше не было.

– Можешь не проверять, – опять заговорил Ивахики, – я следил за ними, больше никого нет.

– Ты хочешь сказать, что видел как драконоголовые выходят на нашу стоянку, и не предупредил нас? – возмутился Генджи. – А если бы они вместо слова решились на внезапную атаку?

– Вряд ли, – со спокойной уверенностью отвечал Ивахики. – Уж не знаю, в чем здесь разгадка, но самка тебе не врала, она действительно была уверена, что совершенно одна. Драконоголовый воин следил за ней.

Удивленный Генджи посмотрел на бессознательных и уже крепко связанных его воинами драконоголовых.

Встретить вдали от своих болот двух местных, которые еще и друг за другом следили – все это едва укладывалось в голове.

– Ладно, доставим их в Каэр Морт, Некромант разберется. Где бумаги?

Вместо ответа Ивахики шагнул к главе самураев и молча протянул последнему вынутый из складок одежды свиток.

Генджи аккуратно убрал свиток в специальный футляр и приказал своим воинам седлать лошадей.

На только что кипевшем страстями месте стоянки самураев остался только одетый в темно-коричневое Ивахики. Проводив взглядом отъезжающий с важными данными и загадочными пленными отряд, шпион достал маленькую, похожую на свисток трубочку и дунул в нее несколько раз. Никаких звуков при этом маленький свисток не издал. Но не прошло и пяти минут, как над головой Ивахики затрепетали перепончатые крылья.

Летучая мышь приземлилась прямо в руки шпиону и замерла под его пристальным взглядом.

Глава 6. Болотный великан

Еще с вечера заранее подговоренный знахарь, придя к рыцарям, все охал, причитал и жаловался, что, мол, травы нужные заканчиваются, а без них ни мазь лечебную не состряпать, ни отвар целебный приготовить.

– Эх, нынче каждый дружинник на счету, а мне бы срочно запас трав пополнить надобно. Без травок-то мне как врачевание до конца довести-то? – бубнил себе под нос лекарь, натирая мазью бессознательного Трувора.

– Ты чего это сегодня разворчался? Хочешь сказать, так говори толком, а не бубни все время себе под нос! Почему это у тебя не выйдет наших братьев доврачевать? – спросил у знахаря Ульвэ.

– Так я и говорю, мазь-то я, почитай, всю уже извел, да и отвар варить больше не из чего. Травы мне лечебные нужны, особые! А они только в лесу недалеко от болот растут!

– Так тебя что, в лес, что ли, не пускают? Почему не сходишь за травами?

– Так ведь весна ж нынче! Болотные крысы в большие стаи собираются, брачный период у них! Это потом они на пары разобьются, а сейчас нельзя к границам болот в одиночку ходить, если конечно жизнь дорога!

– Так ты это что же, крыс испугался? Вот чужак человек. Ну попросил бы у своих пару воинов себе в помощь, чтоб они палками крыс отгоняли, пока ты свои одуванчики рвать будешь. – неожиданно сам для себя пошутил Ульвэ и весело расхохотался.

– Зря ты, мил человек, насмехаешься! – серьезно ответил знахарь. – Я тебе так скажу: если завтра же трав не набрать, то послезавтра мне к вам идти будет уже не с чем, да и незачем.

До Ульвэ наконец дошел весь смысл слов знахаря, и внезапно нахлынувшее шутовское настроение тут же улетучилось.

– погоди, ну а вашим воинам, что же, не нужны лечебные мази, настои и отвары, что тебе даже в помощь никого дать не хотят?

– В том-то и дело, что наши добры молодцы все живы и здоровы, хворать не хворают, в сражениях давно не участвуют, а значит, и ран серьезных не получают, вот и не считает нужным воевода зря рисковать и на болота ходить.

– Это что же, выходит, когда вашим воинам помощь понадобится, тогда воевода и людей тебе даст за травами сходить?

– Выходит, что так, а скорее всего переждем опасное время крысиных стай, да и сам я тогда за нужными травками спокойно сходить смогу.

– И когда же это будет?

– Ну через месяц, а скорее всего – два.

– Подожди-ка, а как же мои раненые братья? – начал заводиться Ульвэ.

На этот вопрос знахарь лишь молча пожал плечами и многозначительно развел в стороны руки.

Ульвэ вскочил со своего места и начал ходить из стороны в сторону.

– Значит, о своих воинах воевода заботится, а мы здесь должны подыхать, как собаки?! Вот так позвали в гости!

– Может, воевода нас со знахарем на болота отпустит? – вмешался в разговор Генрих.

– Отпустит он, жди! Нас вон за порог и то не пускают!

Хотя...

Ульвэ с размаху открыл дверь на улицу, да с такой силой, что один из часовых, дежуривших у порога, кубарем полетел вниз с крыльца. Второго караульного рыцаря угостил мощным ударом в челюсть, от которого дружинник осел на землю, а что было с ним дальше, бросившегося к калитке Ульвэ уже не интересовало. Но, похоже, что пройти через калитку так же легко,

как только что через крыльцо, не удастся. Один из стоявших снаружи ограды часовых, обратив внимание на шум, уже ворвался внутрь двора с обнаженным мечом.

– А ну назад! Назад, я сказал! – крикнул на Ульвэ ворвавшийся во двор часовой.

Пока Ульвэ шарил по пустому поясу в поисках оставленного в избе меча, из-за спины первого часового уже показался другой, с многозначительно натянутой тетивой тугого лука.

Дело было дрянь, но импульсивный Ульвэ не сдавался.

– Зовите воеводу! С ним хочу говорить!

Но на заявление рыцаря русичи никак не реагировали. Один по-прежнему продолжал держать наготове обнаженный меч, второй целился из лука. Караульные явно не собирались ни звать воеводу, ни выпускать Ульвэ за ограду.

– Похоже, что мне придется вернуться в избу за мечом и с его помощью прорубить себе дорогу за ограду! – как бы сам себе, но так, чтобы слышно было всем, заявил Ульвэ.

– Не придется, – раздался голос позади Ульвэ.

Ульвэ оглянулся. Двое дежуривших у крыльца дружинников уже пришли в себя и стояли позади рыцаря с обнаженным оружием. Путь к избе был отрезан.

И тут под ноги Ульвэ упал его собственный двуручный меч. На крыльце избы стоял Генрих, это он бросил меч. Сам Генрих был в шлеме с опущенным забралом, левая рука сжимала щит, правая лежала на рукояти меча. Но меч Генрих не обнажал. Всем своим видом рыцарь на крыльце показывал, что готов к бою, но не желает его.

Ульвэ сделал движение в попытке поднять свой меч, но в землю перед ним тут же воткнулась пущенная дружинником русичей стрела.

– Одумайся, рыцарь! Иначе следующая стрела воткнется уже не в землю! – проговорил русич с луком, накладывая на тетиву новую стрелу.

И тут громко затрубил рог. Это часовые, дежурившие возле второй избы, подняли тревогу. Не прошло и минуты, как двор наполнился вооруженными русичами, которые окружили рыцарей, выставив вперед острые копья и прикрываясь щитами.

– Что здесь за шум?! – громко, но спокойно спросил зашедший последним во двор Евпатий.

– Да вот, гости твои, Евпатий, шалить изволят! – ответил Евпатию один из караульных.

Евпатий внимательно осмотрел представшую перед ним картину, затем хладнокровно прошел через кольцо оцетинившихся оружием русичей и, подняв с земли большой двуручный меч, протянул его Ульвэ.

– Это, часом, не ты обронил?

Ульвэ взял из рук Евпатия свой меч, но ничего не ответил. Внутри Ульвэ клокотали бешеные ярость и ненависть. Этот самодовольный русский витязь ведет себя как хозяин ситуации, посмотрел бы на него Ульвэ, не будь рядом пары десятков вооруженных дружинников.

– А ну-ка, ребята, спасибо за службу, но пора всем по местам. А мы с рыцарями в избе потолкуем, чего зря под открытым небом торчать? – с этими словами Евпатий направился в избу, где располагались рыцари.

Увидев, что Евпатий в одиночку идет к рыцарям, некоторые дружинники попытались было этому воспротивиться, но после многозначительного взгляда витязя удалились восвояси.

Войдя внутрь, Евпатий сделал знак лекарю, и тот моментально покинул избу. Затем витязь сел за стол, а напротив него сели вошедшие с улицы Генрих и Ульвэ.

– У нас здесь установлен свой порядок, нарушать который себе дороже, – сурово начал Евпатий. – Кормят вас исправно, знахарь товарищей ваших врачует, чего вам не сидится спокойно? Зачем на часовых, словно белены объевшись, бросаетесь?

– Не суди строго моих товарищей, русич! – неожиданно для всех заговорил прикованный к койке из-за своего поврежденного позвоночника Михас. – Простит их пресвятая богородица, прости и ты. Они обо мне с Трувором позаботиться хотели.

Набожный Михас говорил в своей обычной манере проповедника. Евпатий, не привыкший к таким речам, да и не ожидавший, что оправдываться за товарища вдруг будет его раненый собрат, даже приподнял от удивления брови.

– Это как же, интересно, можно позаботиться о своем боевом товарище, затеяв смуту среди давших вам кров, пищу и заботу? – спросил Евпатий.

– Ты нас своей заботой не упрекай!.. – подался вперед Ульвэ, но Генрих тут же рывком за руку осадил его на место.

– Прости моего несдержанного товарища, русский воин. Ваш лекарь сказал, что больше не сможет лечить наших братьев из-за отсутствия лекарства. Мы готовы помочь лекарю и сходить за нужными травами, если у вас не хватает своих людей, – высказался обычно немногословный Генрих.

Евпатий задумался, почесывая подбородок.

– Да, воинов сейчас и правда в обрез... Ну хорошо, завтра с утра ты, – Евпатий указал на Ульвэ, – будь готов пойти с нами за нужными травами. И учти, дело серьезное, можно и жизни лишиться. Но зато будет тебе куда свою застоявшуюся силушку расплескать. А вот ты, – теперь Евпатий обращался к Генриху, – останешься за своими товарищами присматривать, пока знахаря не будет.

Рыцари не успели ни согласиться, ни отказаться, как Евпатий, дав понять, что разговор окончен, вышел из-за стола и направился к выходу.

За оградой Евпатия уже с нетерпением ждал Прошка.

– Ну как? – сгорая от любопытства, поинтересовался у вышедшего из калитки Евпатия следопыт.

Евпатий, сбросив с лица маску суровости и важности, широко улыбнулся.

– Ну, Прохор, ты голова! Все, как расписывал, так и приключилось. Этот, с двуручным мечом, который Ульвэ, и впрямь бешеный! А знахарь-то как отлично поплакался! Вот только я чуть не сплоховал. Слишком уж быстро на их предложение помощи согласился, но вроде ничего, заглотнули.

– Так значит, завтра перед рассветом пойдем? – чуть ли не подпрыгивая от радости, спросил Прошка.

– Прохор, ты не обижайся, но завтра пойдем без тебя.

Так надо.

Радость следопыта моментально испарилась. Ведь это именно он, Прохор, придумал разыграть всю эту комедию с нехваткой лекарства. Именно он благодаря своей проницательности дал абсолютную гарантию, что рыцари сами вызовутся на опасное дело ради своих боевых товарищей. А именно это и требовалось! Все должно было выглядеть так, что опасное мероприятие – инициатива именно рыцарей! И вот теперь, когда все так удачно прошло, его оставляют в лагере. Спорить с Евпатием было бесполезно, раз Евпатий уже решил, то так и будет. Да и гордость не позволяла Прошке напрашиваться, когда ему дали понять, что он будет лишним.

– Да ты чего это совсем скис, Прохор? Я же говорю, так для дела лучше будет! – взяв следопыта за плечо, проговорил Евпатий.

– Ну лучше, так лучше, – не очень убедительно, пожав плечами, ответил Прохор. – Только вот раньше ни одно такое дело без меня не обходилось... Ладно, пойду я.

Прохор развернулся и пошел восвояси, даже не попрощавшись.

«Эх, молод еще», – подумал Евпатий. – Ну, ничего, и я таким был. Со временем образумится. А мне, пожалуй, выспаться надо, завтра вставать до зари», – с этими мыслями Евпатий отправился в свой дом.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, из лагеря русичей вышли трое совершенно разных воинов.

Облаченный в хауберк – кольчужную рубаху с капюшоном, рукавицами и такими же кольчужными чулками Ульвэ шел следом за Евпатием. Ульвэ, почти поверивший в смертельную опасность их мероприятия, с удивлением обнаружил, что русский витязь ограничился при выборе доспехов лишь защитой туловища, на котором спереди и сзади от шеи до пояса были ряды железных пластин, скрепленных кольчужным плетением. У пояса к доспехам русича был прикреплен кольчужный подол до колен, а ноги и руки Евпатия защищены не были вовсе. Если рассказ о страшных болотных крысах был правдой, то почему русский воин пренебрег защитой конечностей?

Но еще большим удивлением для Ульвэ был шагающий последним воин в пятнистой одежде. Это был один из числа их новых соседей. Как и накануне, когда Ульвэ впервые увидел странный отряд, доспехов на воине не было вовсе, если только не считать доспехами похожий на пустую половину ореховой скорлупы шлем на кожаном ремешке да странный, прикрывающий грудь и спину панцирь.

Поначалу Ульвэ воспринял странного воина с симпатией. Ведь эти люди, так же как и рыцари, держались под охраной, в соседней избе, словно тоже были пленниками. Да и добродушная улыбка воина в пятнистом, который представился Глебом, полностью к себе располагала. Однако, когда Ульвэ заметил, с каким преданным трепетом и неподдельным интересом Глеб ловит каждое слово и даже взгляд Евпатия, отношение к этому воину переменялось на настороженное.

А когда Евпатий сказал, что знахарь с ними не пойдет, Ульвэ вообще стал относиться к их походу за травами с большим подозрением. Правда, Евпатий аргументировал отсутствие знахаря тем, что того надо беречь, а нужные травы Евпатий и сам знает. Но все это звучало как-то неправдоподобно. Сам-то Евпатий, судя по всему, не опасался, что стая крыс накинется на его незащищенные ноги. А этот, в пятнистом, да кто он вообще такой? Может, конечно, его доспехи спрятаны под странной одеждой... Но где тогда оружие? Только нож за поясом, и больше ничего. Вот у Евпатия и щит с собой, и меч в ножны вложен, да еще и шестопер сбоку прилажен.

В своих раздумьях Ульвэ и не заметил, как они уже достаточно отделились от лагеря. Шли все время по не сильно растоптанной, но вполне заметной тропе, что свидетельствовало о том, что данным направлением периодически пользовались. Через некоторое время почва вокруг стала становиться все более сырой, они явно приблизились к болоту.

– Почти пришли, – вытирая со лба выступившую испарину, сказал Евпатий и остановился.

Глеб и Ульвэ тоже остановились, ожидая дальнейших действий Евпатия. А Евпатий наклонился к земле, сорвал сбоку от тропинки какой-то цветок, затем прошел еще пару шагов, опять нагнулся и, сорвав еще пару листов какой-то травы, повернулся к Глебу и Ульвэ.

– Вот эти травки-то нам и нужны! – бодро сообщил Евпатий. – Смотрите, у этой рвать только цветки, а у этой нам листочки понадобятся. Собираем как можно больше.

С этими словами Евпатий показал своим спутникам нужные травы и выдал каждому по две небольшие матерчатые сумки с наплечным ремнем.

– В одну цветочки, в другую лепесточки? – широко улыбаясь, спросил Глеб.

– Именно так, – не отреагировал на шутку Евпатий. – Далеко друг от друга не расходимся, всегда держимся в поле зрения товарищей и, главное, не шумим, лес шума не любит.

– Есть, товарищ начальник! Разрешите выполнять? – снова весело сказал Глеб и, не дожидаясь ответа, приступил к собиранию трав, весело бормоча себе под нос: – Одну ягодку беру, на другую гляжу, третью примечаю.

Ульвэ внимательно посмотрел на бодрого Глеба, затем на Евпатия и, пожав плечами, тоже занялся непривычным для себя занятием, не забывая почаще оглядываться по сторонам, особенно на Евпатия, доверия к которому у Ульвэ так и не прибавилось.

Евпатий тем временем, делая вид, что тоже занят собирательством, сосредоточился совсем на другом. Где-то поблизости обязательно должен быть болотный великан. Именно из-за того, что здесь были явные признаки его присутствия, русский витязь и выбрал это место для задуманного плана, ведь нужные травы попадались и раньше, просто Ульвэ с Глебом этого не знали.

Евпатий поднял с земли клочок чего-то зеленоватого, на первый взгляд могло показаться, что это какой-нибудь болотный лишайник, но Евпатий точно знал, что это такое. Это были волоски шерсти болотного великана.

Если бы на месте Евпатия был следопыт Прошка, он тут же стал бы осматривать близлежащие деревья и то, как примята трава возле найденного клочка зеленой шерсти. Через какое-то время Прохор обнаружил бы одному ему заметные следы и, безусловно, отыскал по ним хозяина волосков, то есть болотного великана. Но у Евпатия были свои редкие способности, с помощью которых он и начал поиск так необходимого ему великана.

Русич потер волоски между ладоней, затем положил их в одну руку, а пальцами другой стал слегка поглаживать и прикрыл глаза. Через несколько мгновений Евпатий уже уловил нити хозяина волосков. Клочок шерсти был потерян совсем недавно и хранил четкий след своего хозяина. Евпатий устремился по тянущимся нитям, и почти сразу перед его внутренним взором предстал старый знакомый, болотный великан по имени Титран, который к тому же был еще и с добычей...

– Похоже, кто-то решил вздремнуть, пока другие делом заняты.

Сосредоточенный на болотном великане Евпатий, слегка вздрогнув от неожиданности, открыл глаза. Перед ним стоял недовольный Ульвэ с набитыми нужной травой сумами и хмуро косился на почти пустую поклажу русича.

– А я свой гербарий тоже уже собрал! – весело заявил подошедший Глеб, тем самым дав Евпатию немного времени, чтобы собраться с мыслями и объяснить, почему его сумы были почти пустые.

– Хорошо, – собрался с мыслями Евпатий, – осталось, корни болотного замогильника собрать, и можно будет возвращаться. Нам туда.

Евпатий указал направление, где, как он понял, должен быть болотный великан, и решительно зашагал вперед. Остальным ничего не оставалось, как последовать за ним.

Шагая в нужную сторону, Евпатий все отчетливее ощущал близкое присутствие великана. Еще несколько шагов, и русич специально чуть приотстал, чтобы пропустить вперед Глеба и Ульвэ. А когда они минули несколько стоящих в ряд больших сосен, то наконец увидели того, ради встречи с которым Евпатий затеял весь этот поход.

Среди невысокой растительности, рядом с поваленным стволом большой сосны сидел огромный детина и, смачно чавкая, что-то поедал. Из-за негустой, но покрывавшей практически все тело зеленоватой растительности казалось, что великан только что вылез из болота, где к нему налипло изрядное количество тины и ряски. На голове волосы у великана были более густые, но тоже с зеленоватым оттенком, а кустистые брови равномерно шевелились в такт жевательным движениям выполняемым мощными челюстями. У ног великана лежала огромная дубина, явно сделанная из ствола дерева с оставленными на ударной части обрубками веток.

Глеб и Ульвэ остановились как вкопанные, вытаращив глаза на огромное болотное чудовище.

– Ничего себе дяденька, – шепотом, больше самому себе, нежели остальным, произнес Глеб. – На Халка похож, только обросший, – продолжил Глеб и, как обычно, когда сильно волновался, сунул руку в карман, чтобы сжать в кулак лежащую там зажигалку в металлическом корпусе. Кто такой Халк, Евпатий не представлял, но великан вот-вот доест свое люби-

мое лакомство и тогда перестанет быть как ничего не слышащий тетерев на току и сразу же их обнаружит.

Пока внимание Глеба и Ульвэ было отвлечено невиданным зрелищем, Евпатий неслышно отшагнул назад, затем, мягко прыгнув вверх, уцепился за ветку сосны и, ловко подтянувшись, оказался на дереве. Теперь надо было быстро сплести нити заклинания покрывала невидимости, но не того, что он плел, когда наблюдал с дружинниками за событиями на поляне трех холмов, а совсем иного свойства. Все болотные великаны с рождения очень близоруки, но зато обладают обонянием, которому позавидует любая ищейка. Сейчас, когда великан лакомится сырым мясом только что убитой болотной крысы, его обоняние приглушено, но от болотной крысы скоро останутся одни тщательно обсосанные косточки, и тогда от широких ноздрей Титрана не ускользнет ни один запах в округе.

А спутники Евпатия тем временем так и оставались стоять как вкопанные, наблюдая за причмокивающим от удовольствия Титраном. Теперь Ульвэ понял, о каких болотных крысах говорил знахарь, когда утверждал, что те могут быть очень опасны. Размером поедаемая великаном крыса была с хорошо откормленного большого пса, хотя если сравнивать с болотным великаном, то вот как раз для его размеров это была самая обычная крыса.

А от крысы уже, если не считать валявшихся на земле косточек, остался один хвост, который великан Титран специально оставил напоследок как самое вкусное. С характерным звуком, словно какую-нибудь макаронину, болотный великан, свернув губы трубочкой, втянул крысиный хвост себе в рот и с явным аппетитом стал хрустеть им, перемалывая большими крепкими зубами свое лакомство. Затем, вытирая ладонью запачканный кровью рот и сладко потягиваясь, сытый и довольный великан громко рыгнул и потянулся к своей лежащей у ног дубине.

Но едва кончики пальцев Титрана коснулись оружия, как великан неожиданно замер, втянул раздувшимися ноздрями воздух и близоруко прищурился в сторону замеревших неподалеку людей. В ту же секунду сытое и довольное лицо Титрана исказила маска агрессии и злобы, и болотный великан невероятно ловко для своих размеров вскочил с места, замахнулся дубиной и, дико рыча, побежал на остолбеневших воинов.

Лихорадочно соображая, что делать, Ульвэ оглянулся назад и заметил, что Евпатий уже сидит на дереве. Решив, что прятаться на дереве от чудища, у которого деревья вместо дубин, а руки и ноги сами подобны стволам, глупо, Ульвэ решил действовать по-другому.

– В стороны! – резко выкрикнул рыцарь и сильно толкнул в плечо оцепеневшего Глеба.

То ли поняв замысел Ульвэ, то ли просто отдавшись переполнявшему его ужасу и страху, Глеб побежал в сторону так, как не бегал никогда в жизни. В противоположную сторону побежал Ульвэ.

Первоначальный замысел Ульвэ сработал, болотный великан на секунду остановился и завертел головой, выбирая, кого ловить, но нерешительность длилась недолго, и Титран бросился вслед за Глебом.

Ульвэ видел, как великан в два счета догнал бегущего Глеба и занес над ним свою дубину, приготовившись нанести решительный удар. Рыцарь понимал, что помочь своему новому соседу и знакомому он не в силах. На болотном великане были высокие, обитые железными пластинами сапоги, которые защищали великана от возможных атак низкорослых людишек. А стрелкового и метательного оружия, чтобы достать поверх сапог, Ульвэ при себе не имел.

Тем временем, неожиданно для всех, высоко занесенная дубина болотного великана зацепилась своими торчащими сучьями за кроны деревьев, и это спасло Глеба от неминуемой смерти. Титран удивленно поднял голову вверх, выдернул из ветвей свое застрявшее оружие и снова устремился за Глебом.

Глеб, поняв, что великан не собирается менять свою жертву, сделал ту самую ошибку, которую многие совершают, когда им угрожает какая-либо опасность. Он сменил направление

движения и побежал в ту же сторону, что и Ульвэ, как бы ища тем самым поддержки у последнего.

Поняв, что теперь уже великан бежит сразу за двумя, Ульвэ, часто оглядываясь, прибавил скорость. Ведь, прихлопнув Глеба, болотный великан наверняка устремится за новой ближайшей жертвой, а ближайшей жертвой после Глеба будет именно Ульвэ.

Догнавший Глеба Титран снова размахнулся своей дубиной, но теперь уже не сверху вниз, а слева направо, направляя оружие по широкой горизонтальной дуге. Казалось, что теперь-то участь Глеба решена неминуемо, но за мгновение до того, как дубина настигла свою убегающую цель, Глеб споткнулся о торчащий из земли корень и распластался на земле, а оружие болотного великана просвистело у него над головой. Быстро вскочив, Глеб что было сил помчался теперь к тому самому дереву, куда забрался Евпатий.

Ульвэ увидел, как взбешенный от очередной неудачной попытки болотный великан дико заревел и, следя взглядом за убегающим и петлявшим, словно заяц, Глебом, сделал мощный замах и бросил свою огромную дубину точно в направлении ускользящей жертвы.

Сначала небывалое везение, казалось, вновь сопутствовало, каждый раз уходящему от смерти Глебу. Жутко вращаясь, точно пущенное оружие великана чудесным образом обогнуло убегающего, но тут же ударилось поперек ствола той самой сосны, на которую забрался Евпатий, и, пружинисто отскочив, ударило несущегося со всех ног Глеба прямо в лоб. От мощного удара Глеб тут же распластался на земле, не проявляя признаков жизни. Мало того, принявшую на себя силу летящей дубины сосну тряхнуло так, что сидевший на ветках Евпатий кубарем полетел вниз на землю.

Теперь уже победоносно завопивший великан в два прыжка добрался до Глеба и Евпатия, схватил каждого своими огромными лапищами и устремил хищный взгляд на Ульвэ.

Сейчас у Ульвэ была только надежда, что болотный великан удовлетворится двумя пойманными жертвами и не станет преследовать третью. Так или иначе, но не желая разделить участь болотной крысы и совершенно отчетливо понимая, что своим спутникам он уже никак не поможет, Ульвэ побежал что было сил, теперь уже совсем не оглядываясь.

Несмотря на все случившиеся, бежал Ульвэ не куда попало. Он отлично запомнил дорогу из лагеря русичей и сейчас, выбежав на нужную тропу, торопился в лагерь врагов. Иного выхода у него просто не было. Во-первых, там остались его боевые братья. А во-вторых, если болотному великану все же вздумается его преследовать, то находящиеся в лагере русские воины помогут отбиться от страшного чудовища.

По всем ощущениям Ульвэ казалось, что до лагеря он уже должен был добежать, но проклятая тропинка все петляла из стороны в сторону и никак не хотела заканчиваться. Когда Ульвэ уже почти окончательно выбился из сил, он вдруг заметил характерное, треснутое и обгоревшее, видимо, от удара молнии дерево, мимо которого он уже пробежал раньше.

Ульвэ остановился. Неужели он бежал по кругу? Но как такое возможно, ведь он строго придерживался тропы, а та не имела поворотов и разветвлений.

Тяжело дыша, рыцарь стал осматриваться вокруг. И тут он встретился с жутким взглядом непонятно откуда взявшегося старика. Старик стоял возле того самого ударенного молнией дерева и внимательно, не мигая, смотрел на Ульвэ. От взгляда старика рыцарю стало жутко, тем более что Ульвэ был готов поклясться, что еще секунду назад возле дерева никого не было. Жуткий старик вырос словно из под земли. Картину дополняло еще то обстоятельство, что старик был одноногий, а пятка на единственной ноге была не как у всех людей, а развернута вперед. Но на земле при этом старик стоял более чем уверенно.

– Ну ты и бегать, мил человек! Насилу тебя догнал! – раздался вдруг позади Ульвэ знакомый голос.

Ульвэ обернулся и увидел целого и невредимого, но тоже запыхавшегося Евпатия. А непонятный старик тут же исчез, как будто его и не было.

Глава 7. Последний из рожденных

Довольный Мацумура Генджи подъезжал к владениям своего господина. Сопровождавший его отряд самураев уверенно следовал за своим военачальником, тихо переговариваясь об успешно закончившемся походе.

– Как думаете, наградит Некромант нашего Генджи за двух взятых живьем драконоголовых?

– Конечно! Мы ведь не только встретились с Ивахики и в целости везем важные документы, но и такую редкую добычу ему предоставим!

– Да, интересно будет взглянуть, как Некромант этих местных в живых трупов превратит! А нам, может, тоже какая награда перепадет, не только Генджи.

– С чего это ты взял, что их обязательно в живых трупов превратят?

– Так известное дело, местные- народ гордый, служить никому не будут, но это только если они живые, а когда уже мертвые будут, совсем другое дело!

Один из самураев поправил лежащую поперек седла драконоголовую пленницу, которая так и не подавала за все время поездки признаков жизни.

А Сильмара, на самом деле давно пришедшая в себя, отчаянно пыталась понять, о чем говорят пленившие ее воины. Но их разговор шел не на всеобщем, поэтому Сильмара так ничего и не поняла.

Туго связанные руки и ноги онемели и сильно болели, да и во всем побитом теле чувствовалась изрядная слабость. Показывать самураям, что она уже очнулась, Сильмара не хотела. Вряд ли они проявят милосердие и ненадолго ослабят путы, чтобы дать отдых затекившим конечностям, скорее всего наоборот, – снова оглушат, чтобы избежать лишних проблем.

Стараясь не шевелить своими драконьими губами, дабы не привлечь внимание пленивших ее воинов, Сильмара аккуратно высунула кончик раздвоенного языка. Судя по окружающему вкусу, времени с момента потери сознания прошло немало. На лошадаках чувствовался стойкий вкус перемешанного с потом плотного слоя пыли и грязи. Вкуса свежей крови на оружии или доспехах воинов не было, значит, все это время они ехали без новых стычек. Вокруг был вкус редких деревьев, кустарников, травы и большого количества камня, что говорило о их передвижении по горной местности. Наверно, замок Каэр Морт был уже недалеко.

Весь отряд самураев двигался вместе, одной группой. Не чувствовалось, чтобы кто-то был послан вперед для разведки, впрочем, прикрытия сзади Сильмара тоже не почувствовала. Все это еще раз свидетельствовало о том, что самураи находятся в своих землях и неожиданного преследования или засады не ждут.

Внезапно до языка Сильмары донесся едва уловимый, но кажущийся таким знакомым вкус. Вкус присутствия кого-то еще, кроме пленивших ее воинов. Кажется что-то похожее она почувствовала тогда в лесу, перед тем как попытаться вступить в переговоры с воинами Некроманта. Но как Сильмара ни пыталась понять, кому принадлежит до боли знакомый привкус, ничего не выходило.

В своих отчаянных попытках распознать незнакомца предводительница племени драконов начала все дальше высовывать раздвоенный язык. Такая неосмотрительная потеря осторожности вполне могла привести к тому, что ее приход в сознание будет раскрыт, но желание распознать вкус было сильнее. Единственное, чего пока себе не позволяла Сильмара, это попытаться открыть глаза.

– Успокойся, сестра, это я, Крагх. Не стоит им пока себя выдавать. – вдруг отчетливо раздался в сознании Сильмары голос брата.

Трудно описать чувства, нахлынувшие на Сильмару, когда она услышала в своей голове с детства знакомый голос. Это были одновременно и радость и тревога. Радость от того, что

в ее отчаянном положении рядом есть кто-то близкий, и тревога от того, что, возможно, этот близкий находится в не лучшем положении, чем она.

– Крагх?! Но... ты сейчас должен быть в наших безопасных подземельях. Откуда ты здесь? – обратилась к сознанию брата Сильмара.

– Я пытался тебя спасти, но сам тоже попал в плен, – печально ответил Крагх.

И тут Сильмара вспомнила те последние мгновения, перед тем как она провалилась в забытие после неудачной схватки в лесу с предводителем самураев. Значит, появление Крагха возле стоянки подданных Некроманта ей не почудилось!

– Постой, но как же...

Сильмара прервала собственную мысль, потому что ее вдруг, как молнией, пронзила очевидная догадка, в правильности которой она практически не сомневалась, но в которой она сама боялась себе признаться.

– Ты?! Ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** последний из рожденных?!

Крагх не ответил. Но Сильмаре и не требовалось ответа, все и так было очевидно. Ни один мужчина племени детей драконов не смог бы проникнуть в сознание сестры самостоятельно, а тем более сам заговорить при помощи мысли. По преданиям, на это мог быть способен только **ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОЖДЕННЫХ**.

– Как тебе удавалось все это время скрывать очевидное? – оправившись от своей догадки, задала новый вопрос Сильмара.

– Этому научила меня наша мать. Ты знаешь, что своими способностями она могла соперничать с самой владычицей.

При упоминании о матери у Сильмары больно защемило сердце. Но ворошить былые, совсем не радостные воспоминания не хотелось.

– Ты знаешь, – продолжал Крагх, – что каждого младшего ребенка нашего племени называют «последним из рожденных», до тех пор, пока в какой-нибудь другой семье не вылупится новое потомство, где последним из рожденных нарекут младшего брата, а предыдущий «последний» станет обычным воином племени.

Все давно привыкли к такому ходу событий, и последнего оберегали скорее по привычке, на самом деле ожидая, когда наконец звание последнего перейдет к другому.

Так было и со мной. Но так со мной было для всех, кроме нашей матери. Еще в детстве она заметила, что я могу читать ее мысли, то есть присоединять нити своего сознания к ее. Когда это случилось впервые, наша мама сильно испугалась и даже хотела сбежать вместе со мной из племени. Но холодная выдержка и трезвый рассудок взяли верх над боязнью за собственного сына, и она приняла другое решение. С тех самых пор я и начал постигать искусство управления нитями.

Ты помнишь, как в детстве мама проводила со мной много времени? Это вызывало всеобщую ревность, твою и остальных старших братьев. Но все это приписывали к обычной со стороны матери более сильной привязанности к младшенькому. Считается ведь, что младших детей якобы любят сильнее. Но ваша ревность была нам на руку. Она помогала скрывать очевидное, мама просто готовила меня к тому, что я действительно последний из рожденных.

Первое, чему научила меня мать, было умение скрывать свои способности от посторонних, а особенно от владычицы и сестер совета. О, этот урок я усвоил более чем успешно! Все тщетные попытки совета сестер выявить во мне хоть какие-то способности и отклонения, не свойственные мужчинам племени драконов, были безуспешны. В конце концов меня оставили в покое и стали с нетерпением ждать появления нового последнего из рожденных.

Мне было вдвойне тяжелее, чем остальным братьям. Ведь им надо было лишь успешно освоить науку хорошо сражаться и овладеть различными приемами ведения боя. Мне же кроме того, что я должен был не отставать от своих братьев и с каждым днем становиться все более

сильным и ловким воином, приходилось постоянно упражняться в улучшении своего дара, способности присоединяться к чужим нитям.

Помнишь, как часто я находился рядом, когда мама учила тебя искусству плетения нитей? Да, теперь я могу признаться, что это было не просто чудачество мальчишки подростка, желающего подсмотреть за сестрой, которая постигает недоступное и запретное. Я просто учился присоединяться к тебе, сестра, но без твоего ведома и желания. И мне есть чем гордиться, ведь ты ни разу даже не заподозрила моего присоединения!

Год проходил за годом, все мы выросли. Ты, как и положено, стала одной из предводительниц, а мы с братьями, – твоими воинами. Потом твои способности, не без участия нашей матери, выросли настолько, что ты могла присоединять к себе не только братьев, но и других мужчин племени, опередив в конце концов в своем мастерстве даже многих из совета сестер.

А я тем временем тоже многого добился. Возможно, что как раз из-за того, что мне постоянно приходилось скрывать свои способности. Я настолько привык это делать, что не только остальным, но и самому себе все время доказывал, что я просто хороший воин, а не последний из рожденных. И я стал одним из лучших, самым выносливым и быстрым из племени детей драконов. Но тем не менее я никогда не переставал упражняться в искусстве присоединения, в котором также добился весьма неплохих результатов.

Потом, выполняя очередное задание Чародея, одобренное советом сестер и владычицей, погибла наша мать. Я помню, какой это был удар для тебя, Сильмара. Но, поверь мне, для меня этот удар был еще страшнее. Ведь если бы я был обычным воином, а не последним из рожденных, то возможно, что наша мать была бы жива и по сей день. Но судьба распорядилась иначе.

Задание, которое было нам поручено Чародеем, казалось, было проще простого. Следовало, не привлекая внимания, отыскать на склонах Великой реки заброшенный склеп, о котором Чародей узнал, расшифровав древние карты и рукописи, и разведать, нет ли там того, что могло бы быть интересно магу.

Мы, как это обычно бывало, когда наше племя еще служило Чародею, отправились на задание вместе с небольшим отрядом русичей. Сам прихвостень Чародея Евпатий возглавлял тогда их отряд! Но надо отдать ему должное, дело он свое знал. Да и воин он, как известно, отменный.

Склеп мы нашли без проблем, он находился точно в том месте, которое указал Чародей. Надо было лишь очистить вход от разросшегося густого кустарника. Внутри склепа оказалось несколько охранявших его зомби, но это не были живые мертвецы Некроманта, обычно управляемые бестелесными сущностями, нет, это были какие-то другие, более древние зомби. Но в любом случае мы справились с ними без труда, тем более что мертвецы сильно сгнили и истлели за те века, что провели под землей.

А вот результат нашего проникновения в склеп более чем оправдал все ожидания. Мало того что там оказались так ценные волшебниками магические кристаллы, но мы еще нашли несколько готовых артефактов и множество древних рукописей, так ценных Чародеем.

И вот, когда мы уже упаковали все наши трофеи и собрались выносить их наружу, до нас донеслись тревожные крики оставленных наверху часовых. Несколько человек и пара воинов нашего племени устремились наружу, чтобы узнать, в чем дело, но едва добежав до выхода, скатились обратно вниз по ступеням, порубленные мечами и пронзенные стрелами.

Наверху были наемники. Кто их нанял, мне неизвестно до сих пор. Специально ли они выследили наш отряд или наткнулись на нас случайно, тоже, видимо, навсегда останется тайной. Но ясно было одно: наемники сняли оставленных наверху часовых и теперь, окружив склеп, явно не собирались кого-то из него выпускать подобру-поздорову. Не успели мы еще прийти в себя, как сверху до нас донесся уверенный голос предводителя наемников, обещавший оставить в живых всех, кто находится в склепе, если мы по одному выйдем наружу с под-

нятыми руками, бросая при выходе на землю свое оружие. Главарь наемников заявил, что им нужно только содержимое склепа, а наши жизни мы сможем оставить при себе.

Времени на раздумье нам было дано немного, да и будь его намного больше, вряд ли нам бы удалось как-то изменить свое положение. Но тем не менее Евпатий и наша мать решили попробовать пойти на хитрость. Ведь полностью выполнить требование наемников, даже при условии, что они сдержат свое обещание и оставят оставшихся членов нашего отряда в живых, означало повесить на себя клеймо позора! Сдаться без борьбы, не выполнив задания. Решили, что большинство воинов действительно под видом сдачи, выйдут наверх но несколько людей и детей драконов останутся в склепе, чтобы достойно встретить спустившегося в казалось бы пустой склеп врага. А когда в склепе завяжется бой, то вышедшие наверх схватятся с оставшимися снаружи воинами врага и при удачном раскладе помогут своим товарищам в склепе. Таков был примерный план...

Я оказался среди тех, кому выпало выходить наружу, точнее, на этом настояла мать. А вот сама она осталась в склепе, чтобы командовать засадой. Перед расставанием она твердо наказала мне, что бы ни случилось, сохранить себе жизнь, ведь я последний из рожденных. Она уверяла меня, что не зазорно будет даже пойти на предательство или повести себя как трус, но себя надо сохранить обязательно. Иначе могут сбыться самые плохие пророчества оракула.

С тяжелым грузом ответственности и раздумий я направился к выходу из склепа. Впереди меня шел Евпатий, а сзади остальные люди и дети драконов, все, кроме тех, что остались в склепе.

После полумрака подземелья солнечный свет казался особенно ярким. Освещенные этим ярким светом, на поверхности нас ждали наемники. Прямо на выход из склепа были направлены дула двух орудий, готовых в любой момент выстрелить внутрь склепа. Наемники широким кольцом окружали выход, и с первого взгляда было件нятно, что воины это бывалые, а поэтому очень осторожные. Все стояли с обнаженным оружием, у многих были наготове луки и арбалеты. А у нескольких я даже заметил мушкеты. Нас выпускали наружу строго по одному, при этом каждый вышедший останавливался у выхода и бросал на землю впереди себя все свое оружие, затем к нему подходили двое наемников и тщательно обыскивали. После обыска каждого из нас тщательно связывали по рукам и ногам и сажали на землю недалеко от входа.

Стало ясно, что задуманный план, во всяком случае вторую его часть, касающуюся попытки завязать бой на поверхности возле склепа, осуществить не удастся. Наемники полностью контролировали всех тех, кто вышел из склепа. Даже при том, что все мы были собраны в одном месте, связанные по рукам и ногам, близко к нам никто не подходил, а за каждым нашим движением следили несколько лучников с наложенными на тетиву стрелами.

Я срочно направил свои мысли к матери, которая осталась в подземелье, чтобы предупредить ее о нашей беспомощности. Мать все поняла, но больше волновалась не о том, что они не смогут без нашей помощи выдержать натиск наемников, а о том, что оставшиеся наверху воины врага перережут нас, за то что мы не полностью выполнили свою часть уговора.

Пока я лихорадочно соображал, что делать, командир наемников спросил Евпатия, все ли наши воины покинули склеп. Евпатий утвердительно кивнул. Переспросив еще раз, словно заранее зная, что Евпатий лжет, командир наемников достал из наплечной сумки небольшой мутный шар и подошел ко входу в склеп. Услышав от Евпатия все тот же утвердительный ответ, главарь наемников зловеще усмехнулся и сильно швырнул свой шар внутрь склепа.

Раздался обычный звук, как от удара чего-то тяжелого о камни, после чего из склепа полыхнуло ослепительно яркой вспышкой, которая была ярче солнечного света, но длилась меньше секунды. В этот самый миг моя связь с матерью прервалась, и все мои попытки снова с ней соединиться результатов не приносили.

Тем временем командир наемников приказал половине своих людей спуститься в склеп и забрать оттуда все ценное. Остальные вместе с главарем остались нести наружное наблюдение.

Связанные по рукам и ногам, собранные в одном месте, находясь под непрерывным надзором наемников, мы тщательно прислушивались, не раздадутся ли из склепа хорошо знакомые звуки борьбы и сражения. Время шло, но из поглотившего половину наемников склепа не было слышно ни звука. Нас всех терзало дурное предчувствие, а Евпатий сделал несколько попыток разговорить предводителя наемников, но добился лишь зуботычины и приказа молчать.

Время шло, кроме шелеста листьев да пения птиц, больше никто так и не проронил ни звука. Все мои новые попытки связаться с матерью по-прежнему были тщетны.

И вот наконец из склепа показались наемники. Все они несли тяжелую поклажу, которую стали грузить на до этого скрытую, но пригнанную по приказу предводителя телегу. Вещей было так много, что некоторые даже были погружены на тех лошадок, что везли орудия наемников.

Когда с погрузкой было закончено, главарь наемников заявил, что они соблюдают уговор и оставляют нас целыми и невредимыми, забрав с собой только наше оружие.

Как только наемники скрылись из глаз, все мы, помогая друг другу, стали пытаться освободить от веревок туго связанные конечности. Через какое-то время нам всем наконец удалось развязаться. В первую очередь большинство из нас ринулись в этот злосчастный склеп. Наши самые худшие ожидания оправдались, никого живого мы там не обнаружили.

Сам склеп, еще недавно хранивший драгоценные артефакты, рукописи, магические кристаллы и многое другое, был начисто вычищен наемниками. А в тех местах, где прятались в засаде дети драконов и русичи, лежали странные изуродованные фигуры, в которых практически невозможно было узнать бывших воинов. Все они были мертвы. Никогда раньше я не видел подобной смерти. Тело каждого воина, неважно, человека или нашего сородича, было словно сильнейшим образом высушено. А когда к телу пробовали прикоснуться, то, оно тут же распадалось в мелкую пыль. Создавалось такое впечатление, что все тела были каким-то непостижимым образом выжжены изнутри. Ведь снаружи никаких следов ожогов или других признаков огня не было. Даже одежды воинов несколько не пострадали.

Наблюдая с немым ужасом всю эту картину, я узнал то, что осталось от нашей матери. Кинувшись к скрюченному и высушенному телу, я попытался поднять его на руки, но оно тут же распалось в прах. Взвыв от ужаса и непереносимой боли, я, расталкивая тех, кто попадался у меня на пути, выбежал из склепа. Снаружи с невозмутимым видом прямо на земле сидел Евпатий. Глаза его были полуприкрыты, он ровно дышал, а на лице не было и тени скорби. Создавалось полное впечатление, что он задремал.

Не помня себя и не думая о последствиях, я налетел на него, стал что-то кричать, трясти его за грудки и обвинять в смерти матери и остальных, а также в плачевном исходе всего нашего мероприятия.

Но Евпатий сильно ударил меня кулаком в живот, отчего в глазах стало темно и перехватило дыхание. А пока я приходил в себя от крепкого удара, Евпатий велел всем немедленно выдвигаться вслед за ушедшим врагом. На возгласы о том, что у нас не осталось даже оружия, Евпатий заявил, что мы с легкостью отобьем его у врага, тем более что последний вот-вот нарвется на западню.

Оставшись без предводительницы, мои сородичи, дети драконов, поступили в полномвластное распоряжение Евпатия, а верные русичи даже и не думали сомневаться в том, что говорит Евпатий. Общему порыву подчинился и я.

С разумной точки зрения пытаться бегом догнать верховой отряд превосходящего противника, пусть даже обремененного добычей и орудиями, казалось делом немыслимым. А если у наемников есть человек, способный плести нити облегчения, то вообще невозможным. Но нас настолько сильно охватила жажда мести, что о новой неудаче мы не задумывались. Всех

словно охватило какое-то отчаянное безумство, в головах пульсировала одна только мысль: догнать и уничтожить или умереть.

Трудно сказать точно, сколько прошло времени, но явно меньше, чем ожидалось, когда я и мои сородичи почувствовали впереди вкус преследуемого нами врага. В эту минуту, возможно, потому, что мы остались без предводительницы, сдерживающей и контролирующей нашу волю, все дети драконов ринулись вперед, не слушая Евпатия и обгоняя менее быстрых людей.

За несколько секунд до того, как мы увидели преследуемых наемников, мой язык уловил знакомый вкус человеческой крови и раненой плоти. А также не менее знакомый вкус болотных великанов. Эти вкусы уловили и мои сородичи.

Уже догадываясь, что впереди идет бой, мы с диким ревом выскочили к месту сражения.

Как и обещал Евпатий, наемники действительно нарвались на засаду. Их отряд был атакован тремя болотными великанами. И это было более чем странно, ведь всем известно, что великаны никогда не сражаются на чьей-либо стороне. Они могут вступить в бой, только если кто-то ненароком забрел в их земли. Но факт остается фактом, великаны сражались с наемниками, которые не нарушали границ владений этих огромных созданий.

Сражаться без предводительницы и оружия было не только, мягко говоря, странно и непривычно, но и весьма опасно. Ведь некому было сплести заклинание упругой кожи, которое всегда позволяло нам обходиться без доспехов. Сначала нас спасло то, что наемники, увидевшие бешено несущихся на них со спины детей драконов, по привычке выпустили первый залп стрел, целясь нам в головы. Мы с легкостью припали к земле, пропустив над головами первые выстрелы, а когда командир наемников, быстро сообразив, в чем дело, приказал своим людям бить по нам как по обычным смертным, многие из нас уже схватились в бешеной рукопашной схватке с первыми рядами наемников. Помню, как я, словно дикий зверь, впился своими клыками в горло не успевшего сменить лук на меч воина врага. Завладев непривычным для меня человеческим орудием павшего наемника, я, невольно став союзником болотных великанов, крушил врагов налево и направо, совершенно забыв, что я последний из рожденных и мне бы следовало себя поберечь.

Вскоре подоспели и оставшие русичи. Поскольку первая атака была за детьми драконов, то русичам уже было намного легче. Они хватали оружие и щиты павших наемников и тут же вступали в сражение.

Быстро сообразив, что перед натиском объединенных сил болотных великанов, крушащих все своими огромными дубинами, неистовых детей драконов и самоотверженных русичей наемникам не устоять, их командир скомандовал отступление. Оставшиеся в живых наемники, побросав отобранное в склепе, а также большинство своих лошадей и пушки, спешно спасали бегством собственные жизни. Вопреки желанию многих из нас Евпатий приказал врага не преследовать, аргументировав это тем, что своего мы добились, а новые жертвы нам ни к чему. Лишь болотные великаны, которые, как известно, всегда сами по себе, некоторое время гнались за удиравшими наемниками, но, судя по всему, безуспешно.

Благодаря внезапности убитых и раненых у нас на этот раз было немного. Но, поскольку мы не только вернули все найденное в склепе, но еще и завладели орудиями и другим имуществом наемников, то весь поход, даже учитывая убитых в склепе, можно было считать более чем удачным.

Так считали все, но только не я. Ведь в этом походе я потерял свою мать, ту единственную, которая знала на самом деле, кто я такой, и помогала мне нести это бремя. Теперь я остался один. Совсем один. Боевой азарт сражения, где я был готов умереть и даже, может, этого хотел, пропал. Я словно сквозь дымку наблюдал, как остальные радуются удачному исходу дела, а Евпатий о чем-то в стороне беседует с болотными великанами.

Как нас покинули болотные великаны и мы вернулись в замок Чародея, почти не помню. Помню только, что Чародей радовался и восторгался вещам, принесенным из склепа, словно ребенок. Русичи во главе с Евпатием были щедро вознаграждены, а я с собратьями отправился к совету сестер и владычице. Чародей сказал, что совет и владычица тоже не оставят нас без награды. Так и получилось. Вопреки ожиданиям нас не наказали, как это обычно бывает, за то что мы не смогли уберечь предводительницу, а совсем наоборот. Всех вернувшихся возвели в разряд элитных воинов и назначили в личную стражу совета. Да ты и сама, сестра, должна прекрасно помнить, как всех нас ставили в пример, превратя наш поход в настоящий подвиг. Сестры совета и владычица говорили напыщенные речи о том, что только настоящие герои способны без оружия и защитного заклинания упругой кожи вступить в схватку с хорошо вооруженным и превосходящим по численности врагом.

Но только есть у этого всего и обратная сторона. Никого из племени детей драконов, участвовавших в том походе, за исключением меня, в живых больше не осталось. Все до единого погибли во время известных событий в замке Чародея, когда мы отбивали амазонок. Уверен, что я избежал этой участи лишь потому, что являюсь последним из рожденных...

– Я помню, брат, – прервала рассказ Крагха Сильмара, – ведь именно я тогда командовала отступлением из замка Чародея и теми элитными воинами. Все это действительно выглядело странно, когда меня вдруг назначили предводительницей элитных телохранителей совета. Тогда мне тоже говорили, что я как одна из лучших удостоена великой чести. Однако возможно, что и со мной тогда тоже хотели покончить. Ведь я уцелела буквально чудом.

– Да, сестра, – продолжал Крагх, – поэтому я и рассказал тебе так подробно о том походе, в котором погибла наша мать. Хотя, как ты знаешь, у нас такие вещи, как разговоры об ушедших, не жалуют. Но есть еще кое-что, очень немаловажное, что знала наша мать, но не раскрыла этой тайны даже после смерти.

Когда я после того злополучного задания вернулся в наш дом, то почувствовал в нем явное присутствие сплетенного заклинания. Не задумываясь, я присоединился к сплетенным нитям, которые оказались последним заклинанием нашей матери, сумевшей каким-то образом задержать его, не находясь рядом.

Сплетенные нити заклинания привели меня в то место, где мы с мамой часто упражнялись в развитии моих способностей. Там я нашел микроскопический осколок волшебного кристалла. Это был осколок тех самых кристаллов, которые так ценятся среди магов и с помощью которых они призывают в наши земли воинов разных эпох параллельного мира. Но, как известно, все свойства кристаллов не изучены, а тот, который нашел я, поразил меня, словно молнией, когда я дотронулся до него.

В осколке была заложена огромная магическая сила.

И заложил ее не кто иной, как наша мать.

Потеряв сознание я будто отделился от своего тела, и воспарив над ним, смотрел сверху на себя самого, лежащего внизу на земле. Потом я увидел мать. Она заговорила со мной так, словно давно ждала моего появления. Сказала, чтобы я не прекращал совершенствовать свой дар и по-прежнему скрывал от всех, что я действительно последний из рожденных. Но больше всего меня потрясло утверждение нашей матери, что она знала о своей неминуемой смерти, когда будет выполнять задание Чародея в склепе. Поэтому и отослала меня наверх, пожертвовала собой, чтобы я остался жив, а сама заранее заготовила этот кристалл для последней связи со мной. Последние ее слова звучали странно, но я помню их слово в слово. «Верь в совет сестер и владычицу, но не доверяй им!»

После этих непонятных слов я сразу очнулся, осколка кристалла в руке больше не было, а рядом, что сильно меня удивило и немного испугало, стояла сама владычица. Она без лишних вопросов помогла мне подняться, сказала, чтобы я не воспринимал так трагически смерть матери, и удалилась. Наступила длительная пауза. Сильмаре нужно было прийти в себя, чтобы

правильно оценить все услышанное. Выходило, что их мать принесла себя в жертву ради спасения последнего из рожденных, а значит, и спасения всего племени детей драконов. **ЕСЛИ ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОЖДЕННЫХ УМРЕТ, НЕ ВЫПОЛНИВ СВОЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ, ВСЕ ПЛЕМЯ ДЕТЕЙ ДРАКОНОВ ОБРЕЧЕНО НА ВЫМИРАНИЕ!** Это знал любой из их племени! А сейчас их с братом везут в замок Некроманта, откуда не вернулся живым ни один из тех, кто не принадлежал к войску этого страшного волшебника! Неужели жертва матери была напрасной?! О Крагх, какой же ты глупец, что последовал вслед за мной!

После этих мыслей Сильмара стала, совершенно не таясь, отчаянно пытаться ослабить сковывающие ее веревки, что не могло остаться незамеченным для самураев. Но Сильмаре уже было все равно, ведь пока они не попали к Некроманту, есть шанс сбежать. И плевать она хотела на задание владычицы и сестер совета.

– Господин! – обратился один из самураев к Генджи. – Кажется, самка пришла в себя!

– Это хорошо! – ответил остановивший свой отряд глава самураев. – Мы уже подошли к воротам смерти. Дадим нашим пленникам небольшой отдых, чтобы они прибыли к Некроманту в надлежащем состоянии. Тем более, как я заметил, сородич самки тоже, кажется, давно в сознании.

Сильмару с Крагхом опустили на землю и немного ослабили туго завязанные узлы веревок. Рядом, обнажив для наглядности клинки, встали несколько самураев, давая понять, что одно неправильное движение – и острые мечи воинов проткнут незащищенные пасти драконоголовых.

Трезво оценивая свое положение, дети драконов смирно сидели возле знаменитых ворот смерти. Их тела ныли от полученных накануне ран и перетягивавших конечности веревок. А мысли в головах лихорадочно метались в поиске выхода из сложившейся ситуации.

Возле ворот смерти кружили ясно различимые привидения, а сразу за воротами виднелось огромное кладбище, где, если верить поверьям, лежало огромное войско живых мертвецов. Вдалеке за кладбищем виднелись окутанные туманом очертания Каэр Морта.

Глава 8. Поединок

Обратно возвращались молча и все тем же порядком. Первым шел, угрюмо нахмутив лоб, Евпатий. Следом за Евпатием, задумчиво озираясь и все больше поражаясь чудесам и непонятностям русских земель, шагал Ульвэ. От Ульвэ, растеряв после беготни от болотного великана былую веселость и держась за гудевшую от удара бревном голову, не отставал Глеб.

Результатами их вылазки Евпатий остался крайне недоволен. Задуманное было осуществлено лишь отчасти. И это касалось той части, которая и так особой загадки не представляла. Часть эта касалась Глеба. А вот по поводу Ульвэ абсолютно ничего не прояснилось.

Когда Евпатий залез на сосну и сплел из магических нитей покрывало невидимости, его следующим действием было проникновение в сознание болотного великана. Он сделал это легко и для великана совсем незаметно, после чего мог не только видеть, слышать и чувствовать все то, что видел, слышал и чувствовал великан, но и влиять своим сознанием на сознание великана.

Но находясь в сознании Титрана и наблюдая за действиями своих спутников, Евпатий смог почувствовать только артефакт Глеба. Этот артефакт действительно обладал чудодейственным свойством дарить небывалое везение тому, кто им обладает. Евпатий ни разу не успел вмешаться в происходящее между великаном и Глебом. Каждый раз его на долю секунды опережал артефакт. Только Евпатий хотел повлиять на удар великана своим сознанием, чтобы отклонить смертоносную дубину, как в дело уже вступали магические силы и Евпатию оставалось только наблюдать. А в конце, когда дубина Титрана угодила прямо в сосну, где укрывался Евпатий, тоже явно не обошлось без волшебства, которое сохраняло жизнь своему хозяину. Артефакт словно понял, что если болотный великан увидит Евпатия, то все сразу прекратится. Именно так и получилось. Когда Титран узнал в свалившемся с сосны своего давнего товарища, и то, что неизвестные воины вместе с ним, то долго извинялся. Однако Евпатию было не до его извинений, надо было срочно найти Ульвэ и привести в сознание Глеба. Ульвэ он нашел без труда, лесные духи честно делали свое дело, переставляя тропинки на пути чужака так, чтобы тот бегал по кругу. Найдя Ульвэ, Евпатий вместе с ним вернулся к бессознательно лежащему Глебу и привел последнего в чувство. На все вопросы, куда делся болотный великан, Евпатий лишь пожимал плечами. Но уверенно заявлял, что он им больше не грозит.

Весь обратный путь русский богатырь размышлял над тем, как же заставить артефакт рыцаря себя проявить. Надежда, что он проявит себя, как это обычно бывало, перед лицом смертельной опасности, которой, безусловно, был болотный великан, безнадежно рухнула. Теперь надо было придумывать что-то новое. Нет, был, конечно, очень маленький шанс, что артефакт находится у кого-то другого из рыцарей, но Евпатий сильно в этом сомневался. По всем признакам хранителем и хозяином артефакта должен был быть Ульвэ.

Вот уже три воина миновали часовых у ворот лагеря, а нужное решение проблемы так и не пришло в голову Евпатия. Сейчас надо идти отчитываться перед воеводой, а сказать особо было нечего.

По пути к терему воеводы воинам встретился Прошка. Следопыт, видимо, все еще дулся на Евпатия за отказ взять его с собой на проверку новых воинов, поэтому, довольно сухо поздоровавшись, прошел мимо, не задерживаясь. Евпатий угрюмо посмотрел ему вслед, подумав, что только Прошкиных обид ему еще не хватало, а потом заметил, что плетенные из кожи лапти Прохора были запачканы характерного цвета грязью. Характерный оттенок грязи придавала глина, которая недалеко от их лагеря была как раз в местах, где болотные великаны охотились на столь ими любимых болотных крыс.

«Значит, ты, Прохор, все же не сдержался и тайком за нами следил, – подумалось Евпатии. – Ладно, тоже мне следопыт, за другими все подмечает, а за собой даже лапти не почистил. Или, может, просто не успел? Ладно, не до тебя сейчас, потом разберемся».

С этими мыслями Евпатий оглянулся на шедших за ним воинов. Встретился взглядом с добродушным и беззлобным Глебом, затем посмотрел на Ульвэ.

Ульвэ смотрел на Евпатия прямо, не отводя глаз. Во взгляде явно читались вызов, презрение и нескрываемая враждебность к русскому богатырю. Именно этот взгляд и помог Евпатии наконец придумать решение проблемы. Раз этот крестоносец так пропитан ненавистью и презрением к русичам, то на этом мы и сыграем.

– Ну чего застыли? – неожиданно бодро спросил Евпатий своих спутников. – Заходим уже в терем, воевода заждался, небось!

С этими словами Евпатий бодро шагнул мимо стражи в терем воеводы. Следом зашли Ульвэ и Глеб.

У воеводы на совете были несколько старшин и дружинников, что было как раз на руку Евпатии, который уже окончательно принял решение о своих действиях. Воеводе это, конечно, не понравится, но деваться будет уже некуда. Вошедшие остановились, не дойдя до центра большого зала. Воевода и старшины с дружинниками, только что бурно что-то обсуждавшие, замолкли. Евпатий здесь явно был в особом почете. С его появлением остальные дела могли подождать. Все, включая воеводу, ждали, что скажет русский богатырь.

Но неожиданно для всех первым наступившую тишину нарушил не Евпатий.

– Так вот кто в теремочке живет. Не мышка-норушка, не лягушка-квакушка, не зайка-побегайка, не лисичка-сестричка и не волчок – серый бочек...

Говорившим был Глеб. При этом он, не стесняясь, глазел по сторонам и осматривал просторное помещение. Слова были сказаны не очень громко, но в неожиданно наступившей тишине прозвучали достаточно четко, и их услышал каждый, кто находился в зале. Кажется, Глеб и сам не замечал, что выражает свои мысли вслух. И лишь на последних словах резко осекся и густо покраснел, когда понял, что, по дурацкой привычке во время волнения, проговаривает свои мысли.

– Не обращай на него внимания воевода, и вы, витязи, будьте снисходительны. Он недавно сосновый ствол головой поймал, вот и несет невесть что. – оправдался за Глеба Евпатий.

Воевода в ответ лишь слегка улыбнулся. Затем внимательным взглядом стал осматривать спутников Евпатия. Взгляд его был не злым, не добрым, но пробирающим, что называется, до самых костей. Сразу было видно, что человек этот власть имеет несокрушимую, повидал на своем веку достаточно и полностью в себе уверен.

Глеб, который на этот раз взял под контроль свои мысли и эмоции, отметил про себя, что воевода больше похож на пожилого уголовного авторитета, вора в законе или тюремного пахана. Впрочем, все упомянутые личности наверняка могли бы быть и одним человеком.

А вот Ульвэ, приглядевшись к воеводе, выводы сделал, несколько отличавшиеся от Глебовых. Он увидел уже преклонных годов мужчину невысокого роста и отнюдь не богатырского телосложения. Да, глаза его были наполнены знаниями и уверенностью, но вряд ли этот человек когда-либо был великим воином, заслужившим почет и уважение соплеменников. И это было довольно странно. Ведь именно хороший воин мог быть удостоен почетного звания воеводы. А этот человек был скорее похож на престарелого аббата, хитрого, умного, но отнюдь не сильного и ловкого.

– Ваш небольшой поход прошел успешно? – спросил тем временем воевода Евпатия.

– Нет, – коротко ответил богатырь и сделал несколько шагов по направлению к воеводе и группе стоявших рядом русичей.

Затем Евпатий обернулся на оставшихся стоять на своем месте рыцаря и Глеба и, указывая жестом на Ульвэ, громко, отчетливо проговаривая каждое слово, заявил:

– Этот человек оказался самым последним трусом! Я уверен, что его воины так же трусливы, как и он сам! В тяжелую минуту он, не задумываясь, предпочел спастись бегством, лишь бы только не пострадала его трусливая шкура!

Казалось, что в тереме и так достаточно тихо, но теперь, после столь громкого заявления Евпатия, в просторном зале действительно повисла гробовая тишина. Старшины и дружинники русичей даже чуть отпрянули назад, словно брошенные слова обвинения могли их задеть. Воевода же наоборот, чуть подался вперед со своего места, словно хотел удержать Евпатия от таких резких слов. Но слово, как говорится, не воробей, выпустил – не поймаешь...

Взгляды всех собравшихся устремились на Ульвэ, губы которого начали мелко дрожать от едва сдерживаемого гнева. Лицо сначала побледнело, а потом стало ярко-алым от прилива неопишуемой злобы, гнева и ненависти. Стараясь изо всех сил казаться хладнокровным, Ульвэ, до побелевших пальцев сжав эфес своего покоящегося в ножнах меча, произнес, чеканя каждое слово:

– Поскольку в этом зале нет спасительного дерева, на которое от страха заберется оскорбивший меня и моих воинов, то пусть он готовится умереть!

С последними словами Ульвэ молниеносно выхватил из ножен свой огромный двуручный меч и бросился на Евпатия. Ульвэ торопился. Он прекрасно понимал, что если не успеет быстро сразить Евпатия, то потом ему этого сделать уже не дадут. Ведь Ульвэ был один среди окружавших его врагов. И пусть ему самому суждено пасть в этих стенах, но мерзкий русич должен умереть за нанесенное прилюдно оскорбление.

Однако свершить задуманное не удалось. На его молниеносный выпад Евпатий по-кошачьи отпрыгнул в сторону и тоже обнажил свой меч. На лице Евпатия была злорадная ухмылка.

– Я зарублю любого, кто встанет у меня на пути! – заорал Ульвэ, понимавший, что первые мгновения уже упущены, но надеявшийся все еще успеть прикончить Евпатия.

– Поединок! – громко крикнул Евпатий, давая понять, что он принимает вызов рыцаря и будет биться один на один.

После выкрика Евпатия уже было дернувшиеся со своих мест старшины и возникшие как из-под земли стражники с копьями и луками были вынуждены остаться на местах и не приходить на помощь Евпатию.

В просторном тереме воеводы уже в который раз, все замерли. Даже так торопившийся исполнить задуманное Ульвэ остановился. Того, что Евпатий примет поединок, явно никто не ждал. Бунтовщиков здесь не жаловали подобными почестями, на них просто накидывали сеть, а потом сажали в яму для усмирения. Но теперь, раз Евпатий принял бой один на один, вмешиваться уже было нельзя. Теперь это была не бунтовская выходка вновь призванного и приведенного рыцаря, а спор двух воинов, которых рассудит меч.

Ульвэ, осознав все происходящее, теперь уже действовал намеренно не торопясь и наслаждаясь каждым мгновением. Раз этот лапотник решил биться с ним один на один, то Ульвэ порубит его не спеша. Богатырь умрет на глазах своих многочисленных сородичей, и честь Ульвэ и его воинов будет восстановлена. А о том, что будет дальше, Ульвэ сейчас не думал. Подняв свой обнаженный меч, он стал плавно надвигаться на Евпатия.

Евпатий обрадовался произошедшему не меньше рыцаря. Все случилось именно так, как задумывалось. Оскорбленный и готовый постоять за свою честь Ульвэ был не на шутку взбешен и готов биться на смерть. Теперь артефакт, если он есть у рыцаря, не сможет остаться незамеченным. Теперь Евпатий сам лично, а не через сознание великана, почувствует и поймет магию, которая привела рыцарей в этот мир. А значит начатое дело будет закончено, пусть даже ценой нескольких ссадин.

Только вот все шло к тому, что несколькими ссадинами здесь Евпатий вряд ли отделается. Атака Ульвэ была настолько мощна и стремительна, что русский богатырь едва успевал подставить щит для отражения двуручного меча рыцаря. Еще несколько таких ударов – и щит русича, не выдержав атаки, сначала раскололся, а потом и вовсе разлетелся буквально в щепки.

Евпатий, который так пока и не почувствовал никаких связующих магических нитей артефакта, попятился назад. С воином, который так виртуозно владел двуручным мечом, он еще не сталкивался. Русский богатырь и сам обладал силой немалой, но чтобы вот так запросто маневрировать огромным орудием, словно тот весит не больше кинжала, – это было настоящее чудо. Меч в руках его противника порхал с такой скоростью, что Евпатий едва успевал защищаться. А о собственной атаке или контратаке даже не помышлял.

Все присутствующие в зале наблюдали, как Евпатий, потеряв свой щит, схватил оказавшийся под рукой деревянный табурет и попытался прикрываться им, поскольку используя для защиты один только свой меч он лишал себя возможности контратаковать. Однако табурет, явно не предназначенный для подобных целей, разлетелся еще быстрее щита.

Евпатий едва успевал отражать атаки Ульвэ своим мечом. С каждым новым ударом было видно, что защита русскому богатырю дается все тяжелее. Вот уже меч рыцаря оставил несколько кровавых порезов на руках и ногах Евпатия. И теперь с каждой каплей крови русский богатырь дополнительно терял силы.

А вот Ульвэ двигался по-прежнему стремительно и без особых усилий. Создавалось такое впечатление, что бой не отнимает у него силы, а наоборот, придает новые. И тут Евпатия словно осенило. Ну конечно! Как он мог сразу не догадаться? Артефакт не спрятан где-то за пазухой у рыцаря. Артефакт находится у рыцаря в руках! Меч! Сам меч и есть артефакт!

Евпатий, уловив долю секунды, перенаправил энергию своих шарящих по Ульвэ в поисках ответа нитей на меч противника. Догадка оказалась верной. Русский богатырь сразу почувствовал связь меча с хозяином. Из рукояти страшного оружия, прямо в ладони Ульвэ текла мощная энергия связующих магических нитей.

Русский богатырь резко сменил тактику. Он полностью сосредоточился на мече, словно сражался с самим мечом, а не его хозяином. И теперь защита стала даваться намного легче, но не более того. Времени провести свою атаку по-прежнему не было.

Евпатий пробовал маневрировать, хватал все, что попадалось под руку, и швырял в рыцаря, пытаясь тем самым сбить темп его атаки. Но ничего не помогало. Уже были изрублены в куски все находящиеся в помещении стулья и табуреты, опрокинут и разрублен надвое стол, а Ульвэ, по-прежнему не сбивая темпа, преследовал русского богатыря.

Воспрявший было духом после своего открытия Евпатий понял, что силы его на исходе. Озираясь по сторонам, он увидел узкий боковой проход, переходящий в длинный коридор. Куда этот коридор вел, Евпатий не знал, но то, что в узком пространстве Ульвэ уже не сможет так яростно размахивать своим мечом, было однозначно.

Уловив момент, израненный и уставший русич метнулся к проходу и, не задумываясь, нырнул в его неширокое пространство. Следом за Евпатием последовал уже почти торжествующий победу Ульвэ.

– погоди, мерзкая крыса! Я достану тебя и в этой норе! – яростно прокричал рыцарь.

Коридор оказался недлинным. Пробежав несколько шагов, Евпатий уперся в запертую дверь и оказался зажатым, словно лиса в норе. Тяжело дыша, он развернулся, готовясь вновь лицом к лицу встретиться с огромным двуручным мечом рыцаря.

Ульвэ надвигался на Евпатия, как неминуемая смерть. Проход, который в ширину составлял не больше трех шагов, был почти полностью заслонен его мощной фигурой. На невысоком потолке, до которого, если подпрыгнуть, можно было достать рукой, зловеще мерцали тени от подвешенных к стенам светильников.

Понимая, что такое пространство не годится для нормального боя не то что его двуручным мечом, но даже и обычным, Ульвэ прекратил бешеное вращение своего оружия. Направив острие меча в сторону Евпатия, он приготовился наконец прикончить этого русского выскочку, проткнув его, как барана.

Евпатий же, вспомнив уроки мастера хитрости, повернул свой меч острием к полу и взял его обратным хватом. Такой непривычный маневр слегка озадачил Ульвэ, но решительности не убавил. Подойдя на расстояние удара, рыцарь стал быстро, словно копьем, наносить тычковые удары по зажатому в углу русскому богатырю.

Меч – это продолжение руки, так с детства учили Евпатия. Меч делает твою руку длиннее, держи его крепко, руби с плеча, не давай противнику опомниться, и он будет повержен. Так Евпатий всегда и поступал. В чистом поле ему не было равных. Так было до тех пор, пока судьба не свела его в этих землях с тем, кого в их лагере называют мастером хитрости или попросту Кешкой.

– Скажи мне, витязь, а если тебе придется биться с врагом не в чистом поле, а в тесном доме? Там ведь мечом особо не размахнешься! – спросил как-то Кешка Евпатия. Евпатий даже не нашелся, что и ответить. Никогда такого на Руси не было, чтобы в домах сражаться. Разве что в кабаках мужики кулаками помашут, да и только. Русские воины с врагом всегда в чистом поле встречались или на крепостных стенах.

– Не знаю, что тебе и ответить, мастер. Но ежели и правда так тесно будет, что мечом не размахнуться, так на это шестопер, кистень, булава или кинжал имеются. Ими в тесноте сподручней, – развел в ответ руками Евпатий.

– Ну а если только меч у тебя, что тогда?

Понимая, что Кешка явно клонит к чему-то такому, чего Евпатий не знает, богатырь в ответ лишь пожал плечами.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – позвал за собой Евпатия мастер хитрости.

Они зашли в недавно отстроенный мастером хитрости небольшой сарай. Сарай был абсолютно пустой, имел низкий потолок, а через каждые два-три шага по всему помещению сарая от пола до потолка стояли деревянные столбы.

– Попробуй достать меня своим мечом, богатырь! – как всегда, хитро улыбаясь, заявил богатырю мастер хитрости.

Евпатий сразу сообразил, что в таком помещении с плеча особо не рубанешь, но так просто сдаваться ему не хотелось. Он аккуратно вынул из ножен меч и сделал несколько попыток достать мастера. Тот, в свою очередь, ловко прятался от ударов за столбами и периодически награждал Евпатия тычками и подзатыльниками, которые наносил небольшой деревянной палочкой.

– Здесь хитрость нужна! – сказал уже начинавшему злиться Евпатию Кешка свою излюбленную фразу.

С этими словами мастер хитрости забрал у Евпатия меч и, перевернув его рукоятью вверх, а острием вниз, показал несколько хитроумных движений.

– А теперь ты попробуй, – сказал Кешка, вернув обратно Евпатию его оружие.

Евпатий попробовал взять меч так же, как только что показал ему Кешка. Получилось несколько неуклюже. Но многолетний боевой навык не подвел, и после нескольких неловких движений руки Евпатия приспособились к новому хвату. А через полчаса непрерывной работы Евпатий уже запросто повторял многие движения, показанные мастером хитрости. Да, действительно, работать в тесном помещении мечом с помощью обратного хвата было эффективнее.

– Ну вот, – заключил в конце тренировки мастер хитрости, – теперь, если твоему мечу будет тесно, просто переверни его...

Урок мастера даром не пропал. Сейчас, отражая натиск Ульвэ, Евпатий понимал это как нельзя лучше. Атаки рыцаря уже не были столь стремительными и быстрыми. Даже несмотря на то что меч, являвшийся магическим артефактом, давал дополнительные силы своему хозяину, все же его мощь была не беспредельна.

Атакующие выпады рыцаря требовали затраты намного больших сил, чем короткие движения защиты перевернутым мечом. Отражая очередной натиск, Евпатий даже сумел сделать несколько контрвыпадов, однако и его силы были не безграничны.

Сделав вид, что он от бесконечной защиты решил перейти в атаку, Евпатий бросился вперед, намеренно подставив под удар плечи и шею. Уловка сработала. Боевые навыки Ульвэ действовали быстрее мысли, но именно это и подвело рыцаря. Увидев слабость в защите русича, Ульвэ резко взметнул свой меч вверх, чтобы одним ударом положить конец этому затянувшемуся поединку. Но сила рыцаря, увеличенная к тому же магией меча, сыграла здесь злую шутку. Замах оказался слишком сильным, и острие меча, взмыв вверх, завязло в деревянных перекрытиях потолка. Этим сию секунду воспользовался Евпатий. Мощным ударом ноги в живот он заставил своего противника выпустить застрявший в потолке меч, а затем, как следует вложившись в решающий удар, опрокинул Ульвэ на спину мощным ударом снизу вверх рукоятью меча в подбородок. Последний удар обладал такой силой, что рыцарь вылетел из прохода обратно в просторный зал терема воеводы.

Падая на спину, Ульвэ успел втянуть голову в плечи, чтобы не удариться об пол затылком. Однако это ему не сильно помогло. Не успел он оказаться на полу, как увидел припечатающийся его сверху сапог Евпатия.

Оказавшись между полом и ногой русского богатыря, голова Ульвэ, словно побывав между молотом и наковальней, сначала гулко ударилась об пол, а затем вяло и безжизненно завалилась набок.

На этот раз сознание уходило постепенно. Сначала начало затуманиваться зрение. Разбросанные по полу остатки табуретов и порубленный стол расплылись, очертания стоявших вдоль стен людей стали неясными, а потом и вовсе все смешалось в неясном тумане. Глаза рыцаря закрылись, и он явственно почувствовал вес собственного тела, давящего на пол. Сначала с каждой секундой тело словно становилось тяжелее и тяжелее, стало нестерпимо душно, а потом, наоборот, он вдруг перестал ощущать его вовсе.

– Вот так, – слышался в тишине знакомый, но глухой голос, – пришел мишка и развалил теремок...

Незаконченная фраза Глеба была последним, что восприняло сознание Ульвэ. Тихо выдохнув, его тело застыло без движения, а в голове мелькнула единственная мысль:

«Вот и все...»

Глава 9. Некромант

Летучая мышь принесла хорошие вести. Свой человек в лагере русичей передал шпиону Ивахико подробную, со всеми деталями карту. Теперь оставалось только дожждаться прибытия Генджи с отрядом, чтобы увидеть ее воочию. Жаль только, что эти крылатые твари не могут долго держать в голове информацию. Их крошечный мозг на это не способен. Переданные Ивахико образы были расплывчаты и не до конца ясны. Однако совершенно четко было понятно, что отряду самураев и самому Ивахико пришлось вступить в бой с местными, которых даже удалось взять в плен. Хорошая это новость или плохая, пока было неясно. Надо дожждаться прибытия самураев.

Послышался характерный скрип деревянных половиц.

Вошел один из телохранителей.

– Господин, у нас вновь призванные. Пятеро.

– Хорошо, пусть войдут.

В помещение ввели пятерых, слегка смуглокожих, прямоносых, легко одетых людей. Некромант внимательно осмотрел каждого.

– Как называется то место, откуда вы к нам попали?

Голос Некроманта звучал, как всегда, сухо и с небольшим шелестом. Он говорил, едва открывая рот, при этом его глубоко посаженные глаза, казалось, готовы были испепелить каждого, кто даст неправильный ответ.

Люди переминались с ноги на ногу, боялись поднять глаза и словно проглотили свои языки. Они до сих пор не могли поверить, что находятся не в царстве мертвых, перед царем Аидом, а в каком-то совсем другом мире. И неудивительно, ведь те стражники, что доставили их в покои волшебника, были высокими, одетыми в полуистлевшее тряпье скелетами. Нет, это были не обычные скелеты людей, обглоданных диким зверьем, которые им не раз приходилось видеть на полях былых сражений, а непонятные создания темных сил, которые скелетами людей можно было назвать лишь при первом невнимательном взгляде. Во-первых, для скелетов людей они были слишком высокими и крупными, разве что высокая фигура Некроманта не уступала им в росте. Во-вторых, при ближайшем рассмотрении было видно, что кости скелетов были обтянуты кожей, то есть создавалось впечатление, что их плоть высохла изнутри, а кожа и кости уцелели. В-третьих, из глубины пустых глазниц их черепов исходило тусклое зеленоватое свечение, которое добавляло жути их и так не особо располагающему виду. Этими скелетоподобными созданиями были наполнены все коридоры замка, где те несли неусыпную стражу.

– Кажется, вам никто не объяснил, что здесь один и тот же вопрос дважды не повторяют? – снова заговорил Некромант. – У кого из них был артефакт? – обратился он уже к своей охране.

– Вот, господин. Наконечник бронзовой стрелы, – шагнул вперед один из телохранителей Некроманта и подал артефакт своему хозяину.

Маг небрежно взял в руки свое собственное изделие и тут же заметил, как один из пятерки приведенных людей бросил на артефакт жадный взгляд исподлобья и слегка подался вперед. Маг внимательно посмотрел на выдавшего себя человека, а затем сжал артефакт в кулаке. Сразу ощутив вложенную частичку собственной силы, он начал распутывать клубок сосредоточенных в наконечнике бронзовой стрелы магических нитей. Маг не ошибся, нити тянулись к подавшемуся вперед воину, тесно переплетаясь с жизненными силами последнего. Артефакт явно принадлежал ему.

– Господин, – начал говорить подавшийся вперед человек, – место, откуда мы прибыли, называется Крит. Это остров, а мы все родом с этого острова.

Повисла тяжелая пауза тишины. Маг, все еще сжимавший в кулаке артефакт, сурово смотрел на посмевшегося нарушить тишину человека. А тот, в свою очередь, переминался с ноги на ногу и, набравшись смелости, открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но его перебил сухой голос мага.

– Мало того что ты со своими воинами не отвечаешь на вопросы, когда вам их задают, так ты еще смеешь говорить тогда, когда тебя не спрашивают!

– Но господин... я... мы... просто...

– Молчать! Будешь говорить, когда тебя спросят! – повысил голос волшебник.

Человек в ответ опустил голову, но продолжал исподлобья таращиться на кулак мага, в котором находился его заветный талисман.

– Это твое? – уже спокойно спросил Некромант, раскрыв ладонь и показав наконечник бронзовой стрелы.

– Да, господин, – смиренно ответил человек. – Я ношу это с тех самых пор, как...

– Мне неинтересно, как давно это у тебя и как оно к тебе попало! – перебил говорившего маг. – Отвечай только на те вопросы, которые я тебе задам!

Человек сглотнул застрявший в горле ком и молча кивнул.

– Ты и твои воины, – продолжал меж тем маг, – что вы умеете делать? Каким воинским наукам обучены? Каким воинским умением вы владеете особенно хорошо?

– Мы из отборного отряда лучников господин! – гордо заявил человек. – Понятно, конечно, что каждый критянин с детства умеет держать в руках лук, но в отборный отряд берут только лучших из лучших! И мы принадлежим к их числу!

Маг слегка наклонил голову набок, словно прикидывая, являлось ли смелое высказывание воина обычной бравадой или и в самом деле было правдой.

– Мой брат говорит правду, господин! – это вступил в разговор другой воин отряда. – Только он забыл упомянуть, что самым лучшим лучником в отряде всегда был именно он! Маг, нахмутив брови, бросил суровый взгляд на последнего говорившего. Эти бестолковые людишки, видимо, никак не поймут с кем имеют дело. Он вытянул ладонью вперед свободную руку, затем словно подцепил что-то невидимое кончиками пальцев и резко сжал руку в кулак.

Стоявшие перед Некромантом пятеро людей закричали от боли и, согнувшись пополам, упали на пол. Их лица были перекошены, все они держались за животы, внутри которых словно горел огонь. Адская боль отпустила только тогда, когда маг разжал свой кулак.

– В следующий раз боль будет намного сильнее и длиться будет дольше, – спокойно заявил волшебник поднимавшимся с пола людям. – А у того, кто посмеет говорить, когда его не спрашивают, отсохнет язык.

Ошарашенные внезапно наступившей резкой болью и таким же внезапным ее прекращением, люди дружно закивали.

– Владеют ли твои люди или ты сам еще каким-нибудь особенным военным ремеслом? – задал свой очередной вопрос Некромант.

Критянин, которому принадлежал артефакт и который, со слов его брата, был лучшим лучником отряда, задумался. Казалось, больше ничего такого, что он и его воины умеют делать лучше других, он не знал. Но поняв, что сидящий перед ними человек, а может, и не человек, задает свои вопросы неспроста, лихорадочно перебирал в голове, чем он и его люди могут быть еще полезны. Однако пауза затягивалась, что могло привести к нежелательным последствиям. Снова ощутить ужасную боль в животе не хотелось.

– Мы с братом всегда участвуем в тавромахиях и никогда не терпели поражения! – наконец выпалил критянин первое, что пришло в голову.

Некромант в удивлении поднял брови вверх.

– Как ты сказал, тавромахия?

– Ну да, тавромахия! Это когда люди сражаются с быком, не имея при себе никакого оружия!

– Ты хочешь сказать, что можешь убить голыми руками быка? – недоверчиво спросил маг.

– Нет, господин, но я могу не позволить быку убить себя!

Волшебник задумался. Какой толк ему может быть от людишек, которые могут не позволить быку их убить? В своих раздумьях маг поднялся со своего места и направился к дальней стене. На стене висели несколько карт, все они имели схожие очертания и явно были картами одних и тех же земель. Карты отличались лишь цветом и нанесенными на них символами. А еще на некоторых картах были разграничены земли, которые на других картах имели очертания единых государств и имели совсем другие границы. Все это были карты из мира людей. Карты различных эпох и времен.

С помощью наконечника бронзовой стрелы маг смог почти точно определить то место, откуда прибыли вновь призванные. Артефакт указал и приблизительную эпоху, которой принадлежали вновь призванные воины. Разглядывая небольшой, омываемый морскими водами остров, маг с сожалением вздохнул. Время и силы были явно потрачены впустую. А он так надеялся, что отправленные на остров артефакты приведут к нему множество отчаянных и умелых воинов! Что толку, что эти люди умеют хорошо стрелять из своих луков? Нашли чем удивить. Тавромахию еще тоже какую-то придумали...

Маг перевел взгляд на правый край карты. Там тоже были острова, но в отличие от Крита, жители которого хоть иногда и воевали, но больше занимались ремеслами и торговлей с соседними странами, на тех островах веками шли беспощадные гражданские войны. Полностью изолировав себя от внешнего мира, жители этих островов буквально превратили занятия воинскими искусствами в смысл жизни, а естественная смерть стала небывалой редкостью. Ни один вернувшийся оттуда артефакт не был потрачен напрасно, каждый приводил в этот мир отменных воинов, готовых с радостью и самозабвением служить новому господину. Служить не из страха перед могуществом Некроманта, а просто потому, что служба своему господину была основным жизненным кредо тех воинов, что называли себя самураями.

Некромант с сожалением вздохнул, вспоминая, сколько он еще потратил артефактов, переправленных на остров Крит, а затем повернулся к застывшим в ожидании вновь призванным воинам и своим телохранителям.

– В скором времени вам всем представится шанс показать, насколько ценно ваше боевое мастерство, – сухо проговорил маг. – А сейчас уведите их в пещеры ожидания.

Последняя фраза была брошена уже телохранителям, которые послушно кивнули и поспешили направить критян к выходу.

– Постойте! – неожиданно остановил их маг. – Кажется, это твое?

Некромант поднял вверх руку с наконечником бронзовой стрелы, а командир критских лучников утвердительно закивал. Маг слегка подбросил артефакт на ладони, а потом бросил его в направлении человека, к которому обращался. Командир элитного отряда критских лучников ловко поймал наконечник, прижал его к груди и низко поклонился магу.

– Благодарю тебя господин! – дрожащим от волнения и благодарности голосом произнес человек. – Я не забуду твоего великодушия!

Словно сытый и довольный кот, Некромант прищурил свои глубоко посаженные глаза. Как же все просто с этими людишками: сначала отбираешь у них любимую игрушку, а потом возвращаешь ее обратно, и они безмерно счастливы и благодарны. Ну что ж, если критянин выживет, то служить Некроманту будет уже не только из страха.

Как и было приказано, людей увели. Маг, если не считать скрытых телохранителей, остался наедине со своими мыслями. Слушая удаляющиеся шаги и характерные постукивания и поскрипывания, Некромант снова невольно вернулся мыслями к самураям, которые не про-

сто верно и преданно ему служили, а внесли определенные и весьма полезные изменения в обустройство Каэр Морта.

Как это все-таки было разумно и просто – покрыть все каменные полы и лестницы его замка особыми деревянными перекрытиями. Доски полов были расположены таким образом, чтобы издавать характерный скрип или стук, когда один конец доски бьется о другой. Таким образом, по такому деревянному полу практически невозможно было бесшумно и незаметно передвигаться. Некромант знал каждый характерный скрип, доносившийся до его уха, и мог, не прибегая к магии, точно определить, где сейчас прошел часовой или кто-то еще из его преданных воинов.

Конечно, кому-то могло показаться, что подобная затея со скрипящими полами совершенно ненужная вещь для такого великого мага, но сам Некромант так не думал. Да, не только его замок, но и все подходы к нему были настолько охраняемы и неприступны, что возможность проникновения чужака в сам замок была просто немыслимой. Да, недобрая слава о Некроманте, который не просто убивает своих врагов, а может после их смерти, превратив последних в послушных зомби, заставить их сражаться на своей стороне, вселяла ужас в любого, кто хоть в мыслях задумает приблизиться к Каэр Морту. Да, его собственной магии вполне бы хватило, чтобы почувствовать любое приближение врага в его покоях. Но все же и этого было мало.

Некромант слишком хорошо помнил, как переменчив этот мир. Еще сегодня ты спокойно живешь себе, никого особо не трогая, а уже завтра все земли охватывает великая война магов. Хорошо еще, что в этой последней великой войне каждый маг бился сам за себя. А ну как оставшимся магам вздумается объединиться, чтобы совместными усилиями его уничтожить? Нет, такого допустить нельзя, надо всячески провоцировать усиление вражды между Чародеем и Колдуном! Занятые друг другом, они не опасны, и Некромант может спокойно продолжать свои эксперименты. То же самое касается и скрипящих полов. Благодаря им маг может направить больше своих сил на осуществление задуманного, не тратя часть магии, а значит, и сил на поддержание охранных заклятий. Ведь подозрительный скрип половиц слышит не только он, а и надежная гвардия его телохранителей, которая не допустит чужака к своему хозяину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.